

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерий Шмаев

МСТИТЕЛЬ

Долг офицера

Военно-историческая фантастика

Валерий Шмаев

Мститель. Долг офицера

«Махров»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шмаев В. Г.

Мститель. Долг офицера / В. Г. Шмаев — «Махров»,
2018 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-04-095071-3

Капитан спецназа в отставке Виктор Егоров, списанный вчистую после тяжелого ранения из армейских рядов, уже несколько лет живет обеспеченной мирной жизнью, и это его устраивает. Его война давно закончилась, но внезапно пришла другая беда — легкая необременительная поездка в Витебскую область обернулась провалом в кровавый кошмар лета 1941 года. Что делать Егорову? Залечь на дно и спокойно пересидеть самые горячие месяцы? Благо есть надежное убежище, продовольствие, оружие и патроны... Или Виктору надо вспомнить о долге русского офицера перед Родиной, которая во все времена одна?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095071-3

© Шмаев В. Г., 2018
© Махров, 2018

Валерий Шмаев

Мститель. Долг офицера

© Шмаев В. Г., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

12 июля 2010 года

В Псковскую область я попал случайно. Приятелю надо было в паспортный стол в Витебске, так как он по пьянке потерял паспорт. Свой единственный основополагающий документ этот не слишком правильный гражданин Республики Беларусь терял с периодичностью раз в полтора-два года, и на моей памяти это был уже третий паспорт, который Виталька с алкогольными мучениями восстанавливал. Работал приятель вместе со мной в Подмосковье, а жил и прописан был в Витебске, так что восстановление паспорта всегда проходило весело и с неизбежными гулянками с родственниками на исторической Родине.

Приехали мы на двое суток раньше, чем надо. Паспортный стол открывался во вторник, из дома мы выехали в пятницу и теперь реализовывали неожиданно свалившиеся выходные. К тому же на работе вылезло незапланированное окно – один из заказчиков на неделю притормозил с финансированием, что-то у него там не складывалось. Так что уезжали мы с легкой душой и ощущением спокойной и необременительной поездки. Закончилась первая декада июля. Погода была жаркая и практически безветренная. Самая середина лета.

Я работал у своего старинного друга Дениса, подвизавшегося в строительстве и иногда в ремонте. Папашка у Дениса строил здоровые многоквартирные дома, были у него какие-то связи в администрации двух районов Подмосковья, а сынишке он подгонял объекты поменьше, но тоже денежные. Так как таких объектов порядочно и одному было за ними не углядеть, Денис взял на работу меня, ибо без доверенного человека на объекте можно пролететь так, что еще и должен останешься, ну а Виталька был у меня что-то вроде правой руки. Честно скажу, очень нужной и полезной во всех смыслах этого слова. За все шесть лет, что я его знал, Виталик не украл у нас ни копейки, хотя пару-тройку проверок я ему поначалу организовал, да и так поглядывал периодически.

Работа у меня была не напряженная, так как Денис работал только с проверенными заказчиками и по рекомендациям, что само по себе определяло некоторую честность в отношениях. Бригады рабочих были постоянные, и неожиданностей с запившими и проворовавшимися работягами не было по определению, ибо хозяев, не обманывающих строителей и выплачивающих все до последней копейки и вовремя, можно пересчитать по пальцам одной руки.

До, во время и после работы времени у меня хватало. Так что где-то два-три раза в неделю мы с Виталькой ездили к моему однокласснику в воинскую часть, где отстреливали по пятаку магазинов к «Калашам», мучили СВД и разминались с местной разведротой. Комполка смотрел на наши художества сквозь пальцы, так как я познакомил его с Денискиным отцом, бывшим военным и заядлым охотником, да раз в месяц не забывал заносить ему небольшую сумму в конверте. В общем, особенного смысла в этом не было, но стрельбой я занимался с детства, на войне, помимо всего остального, был солдатом с винтовкой, а если бы развлекался подобным образом в частном тире, то платил бы раз в семь больше. До полноценного снайпера я, конечно, не дотягивал, но стрелял в общем-то прилично.

Не скажу, что я заядлый охотник, но с кем поведешься, от того и дети. В том смысле, что Денис с отцом и еще целой группой весьма небедного народа постоянно ездили стрелять то

кабанов, то еще какую-нибудь живность, прихватывая периодически и меня с Виталькой. Не часто, но ездить с пустыми руками и смотреть, как стреляют другие, было совсем не комильфо, поэтому я купил недорогую вертикалку. А немного позже, позарившись на весьма невысокую цену, бэушный помповик, который пригодился лишь однажды, при обстоятельствах, от охоты весьма далеких. Как-то на стройке зацепились мы с Денисом с одним нашим субподрядчиком, некачественно выполнившим свою работу, но при этом громко выступавшим и апеллирующим к десятку своих соплеменников. Недалекий этот армянин, потрясая перед лицом Дениса своими весьма грязными пакшами, пытался выбить из моего приятеля дополнительные бабки и, главное, время, которого, как всегда не хватало. Моментально вызверившись, я снес недоумка одним ударом, отчего соплеменники пришли в жуткое волнение, прошедшее, впрочем, моментально, как только они увидели в руках у Виталика означенный помповик. На чем конфликт и закончился. Носороги отстегнули неустойку, забрали так и не пришедшего в себя бригадира и, скорбя, растворились в лесах Подмосковья. Честно говоря, отделались они еще очень легко. Денис по звонку мог вызвать полтора десятка откровенных разбойников, вооруженных автоматами. Были у него и такие знакомцы. Какие дела Денис крутил с их предводителем, я не вникал, справедливо полагая, что на ухо мне не вперлись эти треволения.

Так и болтались мы с Виталиком по Невельскому району Псковской области. В процессе пытались ловить рыбу, но в основном просто глазели на окрестности. На карьер этот занесло нас в пути неожиданно. Ни на навигаторе, ни на достаточно подробной туристической карте обозначен он не был. Вдруг посреди нескончаемого леса открылось небольшое озерцо, а рядом здоровенный заброшенный песчаный карьер, приковывающий взгляд необычностью пейзажа и полным отсутствием людей. Остановились на берегу небольшого озерца и разбрелись по окрестностям. Я, умотавшийся за рулем, отправился разминать ноги, а Виталька, собрав спиннинг, побрел вдоль берега купать железку. Побродив по окрестностям, я дошел все же до карьера и спустился в котлован по короткой и неширокой дороге. Из каждой поездки, неважно, куда бы она ни была, я привозил по булыжнику, и дома, во дворе, скопилось их уже приличная куча.

Вот и сейчас я направился к такой куче, которая обязательно скапливается на любом карьере. В общем, ничего необычного не было, я ни в каком месте не геолог, а подбирал камни только по цвету или форме. Один булыжник все же привлек мое внимание, был он чуть в стороне от основной россыпи и торчал из песчаного склона. Камень я с грехом пополам вытащил в одно лицо. Намаялся неслабо, но вытащил. Оказался он ни разу не маленьким, и до машины я бы его не допер. Вывалился булыжник с шумом, обвалив приличный пласт песка и едва меня не придавив. От души помянув его предков и про себя перекрестившись, я, прихрамывая, направился обратно. Желание переть что-то до машины пропало, и я оглянулся назад, только отойдя метров на тридцать. Наверху, у самого края обрыва, я увидел торчащее бревно.

Стало любопытно, и, забравшись наверх по дороге, я пошел вокруг карьера, не приближаясь, впрочем, к самому краю. Добравшись до места минут через пятнадцать, я увидел интересную картину. Свалившийся песок обнажил стену блиндажа.

Ковырять руками бревна я не стал, ко всему должен быть научный подход, ну или практический, кому как нравится. Да и не царское это дело, когда есть профессионал. Пришлось по рации выкликать Витальку к машине.

Надо сказать, что машина у меня упакована по полной программе. Помимо всяческих инструментов, спиннингов да удочек, сменного камуфляжа и обуви, генератора и газового баллона с плиткой, у нас всегда с собой и неприкосновенный запас из белорусских продуктов. Тушенка, сгущенка, шоколада десяток плиток, сахар с чаем и кофе, бомж-пакеты, макароны с рисом, соль да специи, коньяка фляжка, которую я уже года два впустую с собой таскаю, еще и постоянное сало. Виталька его специально у знакомых покупает. Шикарная, кстати, вещь, он на это витебское сало всех моих приятелей подсадил. Не колбасу же туалетную всухомятку

на объектах трескаться. Поесть при нашей жизни по-человечески удастся не всегда. Поэтому у рюкзака продуктового в машине специальное место отгорожено.

Добрался до машины, Виталик уже здесь топчется, ключи-то от машины я с собой упер. Забыл, кстати, обычно мы их где-нибудь у машины, в приметном месте прикапываем. В поездках на рыбалку, разумеется, ибо друг за другом не набегаешься, а угнать мою машину даже при наличии ключа весьма проблематично. Есть у меня в машине две самодельные секретки, поставленные руками двух седовласых мастеров. С этими мужиками свела меня судьба совершенно случайно. Рекламу на свои услуги они не дают, но очередь на их работу растянута на пару месяцев вперед, как минимум. Просто до пенсии эти почтенные мужи работали в неприглядном почтовом ящике, который делает автоматику для космических ракет. Умелых людей профессия кормит до конца жизни.

Подогнали джип поближе, совсем близко не получилось, подлесок невысокий, но густой, а давить своим американским монстром мелкие сосны у меня не поднялась рука. Угораздило же меня перехватить у Денискиного бати это штатовское чудо с шести с половиной литровым дизельным движком. Жрет оно, конечно, немало, но по исконно русской природе ходит не намного хуже трактора «Беларусь». Ну и комфорт на уровне лимузинов представительского класса, плюс загрузить можно тонну с небольшим, что в дальних поездках – очень немаловажное обстоятельство. Так что я как купил этот необычный трактор четыре года назад, так ни на что более и не пересел.

Не спеша переоделись и переобулись, не в приличной же одежде земляными работами заниматься. Я – в ставшую уже привычной «горку», а Витальке как-то приглянулся двусторонний маскировочный костюм «партизан». Увидел его пару лет назад, купил четыре штуки и так в них все лето и рассекает. Пожевали на скорую руку, так, совсем чуть-чуть. Прихватили топор с лопатой, монтировку и неспешно направились за приключениями.

До блиндажа добрались быстро, от машины метров триста получилось, через негустой сосновый перелесок. Небольшая полянка на краю карьера обнаружилась неожиданно. Песчаная проплешина метров двадцать на тридцать без единой травинки, огороженная стройными молоденькими соснами с торчащими из песка тремя просмоленными бревнами.

Сначала искали лицевую стенку. Виталик притащил из своих инструментальных запасов длинный металлический штырь, из которого сварганил импровизированный щуп. К краю обрыва подходить не хотелось, поэтому, пока нашли дверь в блиндаж, провозились изрядно. Копать пришлось долго – пехотная лопатка у меня в машине только одна. Саму траншею, сменяясь, выкопали достаточно быстро, но потом песчаная стенка обвалилась, и пришлось расчищать площадку.

Дверь обнаружилась почти посередине выкопанной нами щели. Немного смещенная в сторону карьера, она представляла собой почти квадратный лаз, заколоченный сбитой из толстых досок крышкой, совершенно без видимых глазу петель. Потом топором, монтировкой и с помощью неизменной матери попытались отковырять эту крышку. И тут нас ждал жесточайший облом. Мало того, что бревна стены были плотно подогнаны и просмолены, они были прихвачены толстыми строительными скобами, скрепляющими бревна. Вернее, сначала пробиты этими скобами, а потом густо замазаны смолевым варом, или как там называется эта густая черная хрень, которой шпалы деревянные покрывают. А сама крышка лаза оказалась прибитая здоровенными гвоздями, судя по шляпкам, двухсотыми, и опять-таки обмазана этим варом.

Сказать, что мы задолбались с Виталиком, – это не сказать ничего. Провозившись пару часов и оторвав пяток скоб, Виталик сходил в машину за бензопилой. С техникой дело пошло быстрее, и еще через сорок минут проем мы все же проковыряли. Хорошо еще, никто не догадался пробить этими скобами изнутри. Без особенных затей Виталик прорезал саму крышку, она все же была тоньше, чем почти капитальная стена. Помещение оказалось небольшим, почти квадратным, абсолютно пустым и, самое забавное, с двумя заколоченными дверями,

ведущими в недра блиндажа, этакий предбанник три на семь метров. Был в нем лишь небольшой столик, сколоченный из толстенных досок, да тройка сосновых чурбаков, по-видимому, заменяющих табуреты.

За стройработами мы не заметили, что на улице собирается вечер. Отчего изучение блиндажа оставили на утро, а сами решили притащить сюда газовую плитку и разбить палатку. В общем, в три захода мы притащили и продукты, и воду, и плитку, и газовый баллон, и кучу всяческих мелочей, составляющих немудреный быт вечных путешественников. Пока Виталик готовил фирменные шланги с мясом, а в просторечье макароны по-флотски, я дошел еще раз до машины, ибо оставлять в ней все три травмата и помповик было в корне неправильно. Да и неизменный чеснок с луком, обычная и ежедневная Виталькина еда, оставались пока в машине в овощном пакете вместе с огурцами. Помидоры мы с ним, по странному стечению обстоятельств, на дух не переносили.

Да, я знаю, что три травмата – это перебор, так как у человека только две руки. Мне рассказывали эту сказку на уроке анатомии в школе. Как потом оказалось, на войне у человека даже щупальца отрастают, ласты и жабры, а у некоторых особенно одаренных индивидуумов – крылья. К сожалению, те, кто не готов к такому элементарному тюнингу, остаются вечно молодыми. Подумав секунду, я все же вытащил из машины здоровенный рюкзак выживальщика, в котором лежала в том числе и моя скромная автомобильная аптечка, неизбежно сопровождающая меня в поездках по стране, а то понадобится какая-нибудь мелочь – и придется тащиться ночью в машину, сшибая сосны-маломерки.

По-скоренькому пожевав, я залез в блиндаж и попытался выбить левую дверь, без особенного, впрочем, успеха. Ногу я благополучно отбил, а дверь даже не шевельнулась. Помянув неизвестно чьих предков, я вернулся на волю, где неприятно удивился переменам. За недолгое в принципе время на улице собрался дождик. Палатка у Витальки уже стояла, но под дождем могла оказаться целая куча необходимых вещей и инструментов, живописно раскиданных по стоянке, так что пришлось собирать все это хозяйство и переправлять в блиндаж. Мне со своим почти двухметровым ростом корячиться в проеме было не сильно удобно, поэтому я собирал разложенные ровным слоем по песку вещи, а Виталик затаскивал все это хозяйство внутрь.

Тем временем ветер разгулялся не на шутку, сгибая молодые сосны и сметая накиданный нами песок. Выматерив непонятно откуда взявшуюся непогоду, мы стали судорожно сворачивать палатку. По большому счету переночевать можно было и в блиндаже. Гнилью там и не пахло, пол был ровный, из толстых, даже на первый взгляд мощных сосновых плах. Видел я такие плахи только однажды в жизни, когда мы занимались демонтажем квартиры, находившейся в самом центре Москвы, на первом этаже старинного особняка, в переулке рядом с известным всей стране домом на Лубянке. Эти плахи я упер и выложил ими дорожку позади собственного коттеджа, где они и лежали по сей день, хотя прошло уже изрядное количество лет.

На улице уже стоял невообразимый грохот, метались молнии, а дождь, казалось, сносил все на свете, так что пришлось нам занавесить проем палаткой. Стало немного тише. Ураган не стих, но перестало, по крайней мере, заносить брызги пополам с вездесущим песком. Раскатав туристические коврики и спальники и погасив налобные фонари, мы утомонились, чего не сказать про раздухарившуюся грозу. Казалось, что она стала сильнее, и я невольно передернулся, представив, что было бы с нами, останься мы на улице.

Спал я как у Христа за пазухой. Это у меня с войны – не могу спать на открытом месте. Даже дома любимое место на кровати в углу под покатой крышей. На рыбалке место выбираю в какой-нибудь ямке под деревом или в машине, иначе не усну, а здесь целый блиндаж. После контузии у меня крышу набекрень сдвинуло. Совсем не сорвало, хотя в психушке оказаться мог влегкую, но фобии развились конкретные, и одна из них – это спать в каком-нибудь укрытии. Иррациональный страх появляется и от отсутствия военно-полевой медицины, отчего я

всегда таскаю с собой огромное количество лекарств, хирургических инструментов, анестезии и врачебной наркоты.

Проснулся рано, выспался отлично. Организм просился на волю. Нашупал налобник, нацепил на маковку и включил. Луч метнулся по блиндажу, скользнул по Виталику. С налобниками главное – резко не поворачиваться. Виталик не спал, лупал глазами. Обычно в поездках он ночами вообще не спит или спит крайне мало, это если на рыбалке. Да и так на стоянках или в пути спит очень беспокойно. Так что если куда едем, за ночь на пару проезжаем значительно больше одной тысячи километров.

13 июля 1941 года. Начало

Первая странность обнаружилась почти сразу. Гроза никуда не делась, просто была она до странности необычная. Блиндаж ощутимо потряхивало. Вернее, не так, казалось, что гроза ушла не как обычно в одну сторону, а расползлась на несколько направлений. Отдаленные раскаты слышались с разных сторон, хотя и здорово приглушенные. Мелькнул луч второго фонаря. Завозился и поднялся Виталик, видно, тоже ведомый организмом. Ну да, что естественно, то не безобразно, надо выбираться. Сунулся к выходу, а из-под полога, что у нас палатка изображает, песок сыпется.

«Ничего себе ураганчик!» – мелькнула заполошная мыслишка. Хорошо, ведомый хомяческой привычкой не оставлять без присмотра ничего из вещей, я лопату в блиндаж закинул. Откопались быстро. Наши с Виталькой организмы настойчиво просились наружу, да и песка этого было чуть, хотя и пришлось его отгребать на себя, отодвинув от входа часть вещей. В блиндаж ворвался свежий воздух. Запах, какой-то странно знакомый. Горит, что ли, что-то? Только лесного пожара нам не хватало.

Выбирался я первым. Светает, вернее, сереет еще. Куча песка, что мы вчера выкинули, откапывая блиндаж, явно меньше стала. Пару сосенок, что мы рядом положили, в траншею скинуло. Запах. Да что же он мне напоминает? Что-то забыто знакомое. Сполохи еще в разных местах, сбивают с мысли. Нет, не проснулся еще. Выбрался на волю и сразу принялся изображать мощный поток. Уф, хорошо-то как.

Странная гроза. Грохотала всю ночь, и сейчас где-то долбит, и неслабо так, молнии километрах в сорока в трех местах сверкают, и гром соответствующий. А здесь только маленький дождик, что ли, прошел? Как же она так проскочила? Возглас Виталика привлек мое внимание. Оглянувшись, я не поверил своим глазам. Карьера не было! Ну вот совсем не было, и все тут. Так же, как было, только наоборот – любимое Виталькино выражение. Вместо карьера был лес, вернее, нормально подросший такой перелесок, полностью закрывающий бывшую пропелшину.

«Ошизеть, не встать, верните карьер взад! Я к нему привык уже». Блин, еще башней съехать не хватало для полного счастья. И тут меня пробило, я вспомнил. Запах! Так пахнет сгоревший тротил после взрыва. Самка собаки! Как же я мог это забыть? Эфиоп вашу мать! Виталик все еще не врубается, а я полез в блиндаж за оружием. Мать иху, пукалки, если это то, о чем я думаю. Хватанул кобуру и помпу и полез обратно. Обычно невозмутимый белорус вид имел обалделый и от этого слегка придурковатый. Сунул без слов ему помпу, сам нацепив подмышечную кобуру, коротко бросил: «К машине».

К худшине. Ни машины, ни сосен-малолеток, ни поляны не было и в помине. Лес, такой же, как и на месте бывшего карьера, чахлая проселочная дорога и чуть дальше – озеро, на котором Виталька ловил рыбу. Без слов вернулись к блиндажу, не фиг отсвечивать. Он-то не исчез? Не, вроде все нормально.

Падшая женщина! Нормально? В голове было совсем пусто. Что чувствовал Виталик, не знаю, а мне хотелось обратно. Мне хотелось домой. В теплое нутро комфортабельного джипа и домой. В свой с любовью построенный особняк. К своим двум девчонкам, тщательно ото-

бранным из целого ряда претенденток. Мне совсем не хотелось на войну, мне одной хватило за гланды.

Сел прямо на песок, привалился спиной к невысокой куче, откинул голову и закрыл глаза, как будто какой-то стержень вынули. Не хотелось ни говорить, ни думать, ни шевелиться. Сколько так прошло времени – не знаю, но не думаю, что много. Потом появились мысли, но почему-то все матерные. Я даже не представлял, что у меня такой словарный запас. Открыл глаза. Лес и блиндаж никуда не делись.

Рассвело, ушли серые тени, вернулся отдаленный грохот, появились краски. Запах гари и тротила чуть притупился, или, скорее, я стал к нему привыкать. Я много читал фантастики. Все эти попаданцы, что меняли ход войны, были ребята хваткие и энциклопедически образованные. Они сразу попадали к высшему руководству страны и меняли ход истории. Я не хочу воевать! Я уже навоевался по самое не балуйся. Мое появление у наших закончится стеной ближайшего коровника или, что вероятнее всего, пулей в затылок от какого-нибудь замотанного войной особиста. Или меня запихнут в первую попавшуюся часть и заткнут этой частью внезапный, как это водится, прорыв, где нас наматывают на гусеницы очередной моторизированной колонны немцев. Если то, куда мы с Виталькой попали, вообще к немцам относится.

Имел я все это в виду. Надо собрать мозги в кучу и вообще понять в каком измерении мы находимся, а в первую очередь найти Витальку. Виталик обнаружился совсем рядом. Привалившись спиной к сосне, он смолил сигарету, и, судя по всему, далеко не первую. Подойдя к нему, я плюхнулся рядом. Особо говорить было не о чем, явным лидером в нашей компании был я, но сегодня вообще надо было определить порядок действий. Предложил не суесться, что, в общем, было логично. В первую очередь раскидать запасы, позавтракать и вскрыть двери блиндажа. Терзали меня смутные подозрения. Уж слишком капитально было это сооружение построено и тщательно законсервировано. Осталось проверить догадку.

Не торопясь дожевали вчерашний ужин. С посудой мы обычно не заморачиваемся. Виталька себе крышку от котелка забирает, а я жую из котелка, пренебрегая посудой по извечной холостяцкой привычке, чтобы не мыть лишнего. Распределив вдоль стенок вещи, я предложил двери все же просто отодрать. Во-первых, чтобы не шуметь сверх меры, а во-вторых, сами двери могли бы и пригодиться. К тому же они были просто прихвачены шестью гвоздями к косяку, как оказалось при более пристальном рассмотрении.

Немного повозившись, Виталик все же смог открыть дверь. Да. Все как я и предполагал. Неслабая такая по размерам комната была уставлена в основном крепко заколоченными ящиками. Раскурочивать все ящики смысла не было. Я и так прекрасно знал, что в них находится, поэтому предложил Виталику заняться второй дверью. Через непродолжительное время вторая дверь сдалась. Мешки, ящики, ведерные стеклянные бутылки, несколько керосиновых ламп, канистры. Это был небольшой склад на случай войны. Я читал о таких складах. В этих местах проходила старая граница и была линия УРов – укрепленных районов. Мы как раз были недалеко от них. Справа от нас был Себежский УР, слева и впереди – Полоцкий, а позади нас и чуть левее располагался городишко Невель. Вот как раз из этих трех мест грохот-то и доносился, мы были почти посередине. Это если стоять условно спиной к Великим Лукам, а лицом к Россонам.

Вчера я пытался найти дорогу на эти самые Россоны. Это такой небольшой, но очень опрятный городок в Витебской области, где у Виталика жили родственники. Обычно, не заморачиваясь, мы проезжали через Невель и дальше, по очень приличной трассе, прямо до Витебска. Вторая трасса проходила через Себеж и упиралась в Верхнедвинск. Я, если честно, проезжал там всего один раз, проездом в Миоры, где у меня жила знакомая девчонка. Дорога мне не понравилась. Мало того, что с нашей стороны в районе того же Себежа она была донельзя раздолбана, так еще и после Себежа начиналась самая настоящая брусчатая дорога.

Вот прямо так, асфальт неожиданно закончился, и началась брусчатка, изредка стыдливо прикрытая проплешинами асфальта. Такая же брусчатка есть в Москве, прямо напротив зоопарка, но там она метров двести пятьдесят, а здесь километров двадцать, до самой границы. Абсолютно пустой, ни наших погранцов, ни белорусских я там не увидел. Нет, в «белке» с дорогами все путем. Это у нас чем дальше от центра, тем задница дикобраза больше и отчетливей, а в «белке» даже на самой второстепенной дороге выбоину на полотне хрен отыщешь. Даже в этих сра... странных Миорах, практически в белорусском анусе мира, и то с дорогами все пучком. Там, где не пучком, говорят, «батька» имеет дорожников и днем и ночью во все мыслимые и немыслимые места и в самых замысловатых позах.

Получается так, что сейчас мы вдали от цивилизации, среди озер, болот и леса. Если верить вчерашней карте, оставшейся в машине вместе с навигатором, вот этот проселок должен был вывести нас прямо на дорогу, которая соединяла Россоны с Невелем. Оставалось нам проехать до нее всего ничего, может, километров семь, правда, дорога эта заканчивалась в лесу, но я вчера на-деялся на удачу и на своего сильно переделанного американского монстра. Привлекал меня этот район в первую очередь тем, что здесь было просто немереное количество озер, и мы с Виталиком периодически выбирались сюда. Пока он квасил со старшим братом и многочисленными друзьями детства, я болтался по окрестностям, снимая местных девчонок или рыбака на маленьких озерах и речках, ибо к алкоголю был абсолютно равнодушен. К тому же после контузии у меня по пьяни наглухо переклинивает башню, и это мое состояние элементарно небезопасно для окружающих.

Заслав Виталика разбирать продукты, я выбрался на улицу. Я даже теоретически не представлял, кто и где сейчас воюет. Нет, кое-что из истории у меня сохранилось, но это была та история. Она была далека, как пустыня Сахара, как Северный Ледовитый океан, как гребучие Соединенные Штаты. У меня не было никакого желания лезть в эту мясорубку.

Сегодня 13 июля. С трех сторон на всех твердых дорогах идут, судя по звукам, сильнейшие бои. Высунуться туда – это однозначно накрыться медным тазом. Сейчас мы фактически на переднем крае, разделенном лесами, болотами и озерами. Надо ждать, пока передний край не оттянется дальше на восток. У нас сейчас две основные опасности – наступающие немецкие войска, которые ломаются по основным дорогам, и, соответственно, отступающие разрозненные части наших, которые пробираются проселками и лесами. То, что это однозначно не мое время, я был уверен на все сто, да куда там, на тысячу процентов. Только что над головой с запада на Невель пролетели самолеты с характерными крестами.

В общем, надо землянку маскировать, а то и песок раскидан, и деревца поваленные. С проселка нас, конечно, не видно, но мало ли кого в лес занесет. Ну и пулемет надо искать, пора уже. Вернулся в землянку. Виталик особенно не утруждался, так, глянул на бесконечные мешки и коробки, достал пару банок тушняка и, открыв одну ножом, дегустировал находку. Вторую открывать смысла не было, и одной хватило бы за глаза, тем более что мы недавно поели. Так что озадачил я его новой идеей. Пора было вскрывать ящики.

Склад меня не разочаровал. Помимо неизбежных трехлинеек, в ящиках были два десятка ДП, три десятка ППД и четыре десятка СВТ, что само по себе означало весьма любопытную штуку. Я как-то читал о таких складах. Так вот, два десятка ДП – это двадцать ручных пулеметов Дегтярева, в общем, ничего необычного. Здоровенная дура на сошках и с блином сверху на сорок семь патронов. Где-то я читал, что это один из лучших ручных пулеметов этого времени. Три десятка ППД – пистолеты-пулеметы Дегтярева с диском снизу, а в простонаречье – автоматы на семьдесят с лишним патронов. Тоже вроде ничего необычного, если не знать некоторых особенностей, и, наконец, четыре десятка СВТ – самозарядные винтовки Токарева. Вот здесь-то и была засада.

Дело в том, что ППД были выпущены в тридцать восьмом году, а СВТ массово пошли в войска в тридцать девятом или в сороковом, не помню уже точно. Что само по себе означало,

что этот склад к укрепрайонам никакого отношения не имеет, так как склады укрепрайонов закладывались много раньше, тогда, когда эти укрепрайоны строились, и нового оружия в них быть просто не могло. Что опять-таки означает, что у этого склада есть хозяин, и хозяин этот – НКВД. Приплыли. Почему НКВД? А с чего бы это армейцам закладывать склад оружия и снаряжения рядом со старой границей, если у них есть свои склады на новой границе? Так что все просчитывается по составу оружия. Автоматы были в основном у командиров и диверсионных групп. И СВТ, винтовка непростая, пехотный Ваня от нее отмахивался как черт от ладана. Вооружены ею были только самые продвинутые бойцы, моряки, пограничники и энкаведэшники. В войсках эти винтовки только начали появляться, и только у бойцов с хоть каким-то образованием, то есть у разведчиков и сержантов. Эта неплохая для своего времени винтовка требовала бережного к ней отношения и частой чистки. Финны после финской войны, а позднее и немцы ее любили и активно использовали. Дело в том, что автоматические винтовки в то время массово выпускали только наша страна и «пиндосы», американцы, в смысле, и больше никто в мире.

В общем, чем больше я ковырялся в ящиках, тем больше настроение мое ухудшалось. Были здесь и «Наганы», сколько – не знаю, считать не стал, отложил только пять штук и отдал Витальке вместе с патронами. Наконец нашел то, что искал: гранаты. По себе помню, гранат мало не бывает. Так что ящик отмел сразу. Пока все. Надо очищать оружие от смазки и маскироваться, все остальное потом.

Себе я взял СВТ и два «Нагана». Не потому, что не люблю автоматы, – я такие автоматы не люблю. К тому же я почти снайпер. Из десяти патронов СВТ я однозначно девять положу в цель, причем в любых условиях и из любого положения, это к бабке не ходи. Проверено на СВД! Впрочем, один ДП тоже начали готовить к бою и два ППД. А вот с гранатами я сначала пролетел. Нет, гранаты-то были, но я этими пользоваться не умел, это были РГД, тридцать третьего года. РГД-33 – это ручная граната Дьяконова. Граната хорошая, но очень уж специфическая. И запал у нее непривычно взводится, и взрывается она через ж... хм. Оригинально очень. И хранится она в разобранном виде. Отдельно корпус, рукоятка и детонатор. Причем если гранату собрать, то разобрать ее уже нельзя, а еще у нее как-то запал по-особенному взводится. Хрен я сейчас разберусь, да и, если честно, желания нет ковыряться. Мне бы что попроще и привычнее. Нет. На безбабье и с рыбой будешь общаться как с дамой, но я надеюсь, что это у нас не сегодня.

«Эфки» нашел почти сразу, они по двадцать штук в ящике, тоже зацепил ящик. Мне они привычнее, да и распахивать удобнее. Прикольная граната. Как придумали французы в начале двадцатого века, так уже больше ста лет во всем мире и используется. Хоть какая-то польза от «лягушатников». Гранаты, шампанское да коньяк – это все, что они умудрились придумать за все время своего существования.

Сначала по-быстрому почистил СВТ и пару «Наганов», а то как голый. Потом принялся за гранаты. Нет, помпа есть, но в ней только четыре патрона, а про травматы я даже не говорю. Виталик пока развлекался с ППД. Тоже увлекательный конструктор, его пока зарядишь, семь потов сойдет, но только не у Виталика. Я вообще ему поражаюсь, в Виталькиных руках работает любая техника. Надо будет потом его РГД-33 озадачить. В общем, осваивали потихоньку. Такое оружие я в руках не держал, читал только про него и в музеях видел, но его более позднее аналогии даже длительное время использовал. Поэтому для меня что «Светка» СВД, что «Светка» СВТ. Та же «Светка», только старше возрастом, или младше. Смотря с какой стороны на это посмотреть.

Ну вроде справились. Набили магазины и диски, зарядили шесть «Наганов», ввинтили запалы на десятке гранат. Потом, прихватив оба автомата, полезли вверх. Маскировку блиндажа описывать, в общем, нечего. Засыпали траншеею, оставив узкий лаз, размели ветками песок да воткнули обратно деревца. За всеми хлопотами перевалило далеко за полдень. Теперь

имело смысл поискать на складе ништяки. Если это действительно склад НКВД, значит, в нем нет только жареного мороженого. Надо копать. Нужны котелок и крупы, свечи, мыло, спички, сахар, соль, медикаменты. То, что они есть, я не сомневался. Только где? Надо найти форму и посмотреть, какая она. Глянуть, есть ли зимняя одежда и сколько, и главное, мне нужна карта. По всему этому разнообразию я смогу подсчитать, на какую группу рассчитывался этот склад. Но все равно мне нужна карта, и еще мне нужна была разгрузка, но это потом, сварганим из чего-нибудь. Из той же формы запасной, если время будет. На склад был запущен Виталик с конкретным заданием. То, что Виталик найдет все необходимое, я не сомневался, а вдвоем там только задницами толкаться и фонари зря жечь.

Загрузил я Виталика с одной целью. Надо было его занять конкретным делом, так как я вообще не мог представить, до чего додумается этот немного флегматичный белорус, потерявший в нашем времени полтора десятка только близких родственников. Это у меня, кроме двух девчонок и десятка приятелей, никого нет, а родственные связи белорусов выковываются годами, я неоднократно с этим сталкивался. Мне иногда казалось, что Виталику чисто физически необходимо побывать дома, притом что с бывшей женой он развелся девять лет назад, а ребенок у него был приемный. Иногда мой помощник просто срывался и звонил мне ночью из автобуса, откуда-нибудь из Смоленской области или уже из Витебска, просто ставя меня перед фактом: «Я еду домой». Нет, на самой работе это никак не сказывалось, приехать он мог уже на следующий день – и сразу на объект. Да и вообще, в основном это было в «окнах» между работой. Сначала он вот так уезжал в одно лицо, а затем с ним начал ездить я, выбираясь на пару-тройку и больше дней и на рыбалку, и, если сказать честно, по бабам, потому что такого количества реально красивых девчонок больше, наверное, не было нигде. Я, по крайней мере, за всю свою кобелиную жизнь не встречал.

А еще мне надо было решить, что мне делать. Повторю. Что МНЕ делать. Прихватив автомат, я выбрался на улицу. Нет, я не собирался гулять по лесу. Мы в прифронтовой полосе. Несколько лет не самой мирной моей жизни приучили меня даже не к осторожности, а к звериному чувству опасности, и с сегодняшнего утра мой переключатель встал в положение «война». Так что я просто прилег у входа и стал неспешно обозревать окрестности.

Я не хотел воевать. Вот не хотел, и все тут. Вариантов, собственно, было немного. Можно затихариться в глухой деревне и вести сторожкую жизнь примака у красивой молодки или вдовушки, пока охреневшие от безнаказанности местные полицаи не сдадут меня в гестапо за бутылку самогона. Можно сидеть, как хомяк, на этом складе, проедаая запасы, вшивея и зверея от одиночества, а можно попробовать прорваться куда-нибудь за границу. Мне вот Бразилия очень нравится или Куба. Вот только одна беда. Нет, не война – она через пару недель откатится на восток, а именно то, что сейчас воюет ровно полмира. Без языка, документов, транспорта, связей, денег, знания обстановки и местности, ну дальше можно не продолжать. Возможны варианты от концлагеря до безымянной могилы в лесу, это в лучшем случае. Нет, в принципе я пройду и Виталика с собой протащу, но притащу я его на ту же войну. Только будет эта война где-нибудь во Франции, Греции или Югославии, или в той же Африке. Так что мне было о чем подумать. Это еще нам повезло, что занесло нас в глухой лес, окруженный болотами и озерами, вдалеке от населенных пунктов и основных трасс, по которым стальным катком катятся немецкие танковые дивизии.

Была еще одна вещь, о которой имело смысл крепко подумать, вернее, как можно скорее решить эту проблему. Наши вещи. Я не знаю, что будет, если к немцам попадет, к примеру, наша бензопила, кстати говоря, husqvarna, или моя помпа, на минуточку, моссберг, или все три моих травмата, или простейшие кенвудовские рации, или наши сотовые телефоны, или китайские налобные фонари. А состав пластика, из которого они сделаны? А элементы питания? Одни светодиодные лампы чего стоят! Дальше продолжать? Я не знаю, насколько уменьшится время лечения раненых и возвращенных в строй, если к ним попадут лекарства из моей

аптечки. Здесь не знают, что такое одноразовый шприц и антибиотики! И это только мое решение и моя ответственность.

Чем больше я обо всем этом думал, тем меньше мне нравилась ситуация в целом. Я не хочу воевать. Очень. До зубовного скрежета и до ледяного ужаса в печенке. Просто я знаю, как выглядят оторванные у молоденького мальчишки ноги. Слышал, как кричит раненый, просящий промедол. Видел лицо хирурга, вышедшего из операционной и устало привалившегося к стене. Мы с моей группой собирали молоденьких ребят, раздолбанных взрывами в мелкие обгорелые куски. Я очень многое в своей жизни видел и очень не хочу воевать теперь еще и здесь. А придется. Нет, это не показной героизм, и ничем героическим здесь не пахнет. Это отчаяние загнанной в угол крысы. Я очень четко это осознаю, и мне от этого не легче. Пробило меня нехило. То, что я воевать буду, это мной не обсуждалось, только воевать буду по-своему, так, как умею. Мне в прошлый раз хватило идиотских приказов разжиревших генералов и подмахивающих им штабных полковников. Воевать-то я буду, но... недолго и здорово по-своему.

Виталик задание перевыполнил. У меня не было сомнений, что он все найдет. Практичный белорус всегда перед любой работой включал голову, и сейчас он нашел список склада. Или ведомость, или хрен знает, как называется то, что он нашел, но теперь он точно знал, что, где и сколько этого лежит в блиндаже. Мать вашу! Я и не думал, что у нас так всего много. Одних винтовок Мосина у меня было четыреста штук. Читая список, я медленно выпадал в осадок. Вот это попал так попал. Теперь я понимаю немцев. На том, что они захапали за первые месяцы войны, можно было жить припеваючи лет десять, если не больше. А еще меня начали терзать смутные подозрения. Это был небольшой склад партизанского или разведывательно-диверсионного отряда, ибо здесь были рация, и взрывчатка, и форма. Ну конечно же! Кто бы сомневался? НКВД. Были здесь и подробные карты, и много, целая пачка, упакованная в плотную бумагу и перевязанная шпагатом. Только помочь они мне пока не могли. Очень забавные и ценные карты, целых шесть комплектов. Эстония, Латвия, Литва, Западная Белоруссия, часть Польши. Не было только района расположения блиндажа, а по месту я помню только несколько деревень в округе и дорогу в сторону Великих Лук.

Впрочем, теперь меня не пугало появление представителей всесильного НКВД. Просто этот блиндаж мы с Виталиком нашли в двадцать первом веке. Если хорошенько поискать в этом лесу, я думаю, можно найти строителей этого блиндажа, где-то здесь недалеко, в овраге, на двухметровой глубине. Вот такая вот лирика, а раз этот блиндаж дожил до нашего времени, значит, где-то в документах этот блиндаж завис в воздухе или люди, знающие о нем, кормят собою червей. Можно, конечно, предположить, что кто-то из высокого начальства оставил этот блиндаж как долговременную закладку и со временем здесь появятся посетители, но нам это вообще ничего не дает. Появятся и появятся, нам от этого ни горячо, ни холодно. Не ожидать же?

Присев у входа, я принялся озадачивать Виталика. Разложив пасьянс ситуации, я немного притормозил с выводами, так как надо было дать ему время подумать. В общем, ничего нового он не надумал, придавленный реальностью жизни. Так что перешел к выводам и предложениям. Вначале я думал выкопать еще один схрон, в который имело смысл сложить все наши вещи, но почти сразу отмел это предположение. Нет, выкопать яму и свалить все туда – не проблема. Вот только через пяток месяцев все это придет в сильную негодность, за исключением, наверное, одноразовых шприцов. Так что выход, собственно, был только один. Надо вытряхивать оружие из ящичков, вскрывать полы и делать схрон в схроне.

Ну а пока повседневные мелочи – еда, вода, туалет. Это только кажется, что просто выкопать яму. А грунт куда девать? Нужны мешки, они есть на складе, но их же найти надо или вытряхнуть что-то ненужное. А мне все нужно, я как хомяк в амбаре, мне все нужно и всего жалко. У меня план вырисовывается. Мне нужен отряд. Мне его кормить, одевать и вооружать и на смерть посылать, потому что без потерь войны не бывает. А еще мне нужен немец, и лучше

всего говорящий по-русски, живой, необязательно здоровый, еще лучше одноногий. Впрочем, ногу я ему прострелю или сломаю сам, как только он у меня появится. Я не садист, просто мне надо, чтобы я ему был нужнее, чем он мне, и мне нужно выжить в первые недели и убивать немцев. Я лучше всех в округе знаю, как это делать. Просто можно вспомнить, что здесь будет через год. Да что там через год? Уже через пару месяцев. Тот же концлагерь Саласпилс недалеко от Риги, в котором я как-то был по молодости лет. Концентрационный лагерь. Детский лагерь смерти, если кто еще не понял. Так что у меня много дел.

Следующие четыре дня прошли на земляных работах. Работали мы, как негры на плантации, отрываясь только на еду, сон и отправление естественных надобностей, на которые ходили вдвоем, как на боевую операцию. Я не перестраховщик, но получить из кустов очередь из автомата, сидя в позе орла, можно в любом времени, а здесь, при определенном везении, еще и штык в спину. То, что окруженцы примут меня за немца, я ни разу не сомневался. В нашем случае лучше перебдеть, чем по дурасти нарваться.

Окруженцев, кстати, мы видели всего два раза. Первый – когда ходили под вечер за водой, случайно, краем глаза, отметив промелькнувшие на повороте проселка тени. Оставив Виталика в кустах у воды, я неслышно скользнул за ними. Тени материализовались в двоих крепких пехотинцев, один из которых был с немецким автоматом, а второй с мосинским карабином. Были они дозором небольшой разрозненной группы из девяти человек и шли в сторону деревни. Выделялись среди них только пара летчиков, остальные были пехотинцами. Привлечь их внимание я не стал – мне они были не нужны. Группа была неорганизованная и просто пыталась пробраться к своим. Второй – услышав негромкие голоса у озера и подтянувшись поближе, обнаружил небольшую, в три десятка голов, организованную часть, видимо, недавно вылезших из очередного болота пехотинцев. Командовал ими раненный в голову и правую руку старший лейтенант. Навязываться я им не стал, отметив только то, что располагаются они на ночевку и среди них есть какой-то местный Сусанин, знающий окрестности как свои пять пальцев. Поэтому, не привлекая внимания, по-тихому оттянулся к блиндажу.

17 июля 1941 года

Сегодня 17 июля, теоретически, потому что я не знаю, какое сейчас здесь число. Два дня назад здорово грохотало около Невеля, потом затихло. В районе Себежа тоже притихло. Канонада в районе Полоцка то утихает, то разгорается с новой силой все четыре дня. Бои оттягиваются левее нас к Невелю. Похоже, гарнизон Полоцкого укрепленного района прорывается из Полоцка в направлении Великих Лук. Наше счастье, что прямо перед нами огромное болото и несколько озер, иначе окруженные войска шли бы прямо на нас. По этой же причине окруженцев практически нет, через это болото летают только самолеты.

Восемнадцатое июля, вечер. Земляные работы наконец закончены, яма готова. Лишняя земля вынута и выкинута в озеро, кстати, здесь не земля, а песок. Мы вообще на вершине песчаного холма. На дне ямы стоит первый ящик и ждет содержимое. Я убрал в схрон практически все, кроме ровно половины лекарств и инструментов из своей очень немаленькой аптечки, числящейся автомобильной только по названию, одного налобного фонаря, подвесной кобуры из-под травмата, в которую уместился один из «Наганов», своего и Виталькиного камуфляжа и обуви. Все остальное остается здесь.

Теперь мне нужны Виталькины золотые руки. Нам необходимы две разгрузки, нам нужно подогнать местную форму и переделать оружие. Кроме того, надо приготовить еще один отдельный схрон, в который я уберу часть оружия, боеприпасов и продовольствия. Просто никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Спутники бывают разные, и если меня сюда занесет с кем-нибудь незнакомым, проще вскрыть небольшой схрон, чем из-за пары винтовок палить весь блиндаж. Вот такие вот планы.

Следующие четыре дня мы их осуществляли. Виталик исколот иголкой все пальцы, и к исходу третьего дня мы экипировались в новую форму. Я стал капитаном НКВД, а Виталик

старшим лейтенантом, это по гимнастеркам, весь остальной камуфляж я оставил свой, предполагая простое: связываться с двумя командирами НКВД не станет даже самый отмороженный комиссар, не говоря уже о старших командирах выходящих из окружения войск, а на немцев я, если честно, клал с прибором. Живым мне им все равно сдаваться нельзя, а буду я при этом в форме НКВД или в балетной пачке, разницы никакой нет.

Время поджимало, и второй схрон мы строить не стали, а просто прикопали недалеко от блиндажа ящик с винтарями, ящик с патронами, пулемет Дегтярева, пяток «Наганов», гранаты и продукты. Еще на складе Виталик обнаружил снайперскую «Мосинку», и я попросил его оторвать с одного ручника сошки и, если можно, приспособить на снайперку. То, что касалось техники или самоделки, для Виталика никогда не было сложностью, так что свои сошки на снайперку я получил. Как Виталик это сделал, так и осталось для меня загадкой.

Сегодня 22 июля, уже месяц как идет война, а для нас она начнется завтра или послезавтра. Загрузились мы как верблюды. Два ППД, СВТ и снайперка, по два «Нагана», по две фляги, ножи, по десятку гранат и патроны с продуктами и медициной. Виталик еще пару пачек махорки отмел, а то оставшиеся сигареты мы тоже в схрон отправили. Главное, конечно, моя медицина из неприкосновенного запаса и медицина местная, мы все-таки на войне, а я в отношении медицины параноик.

В отличие от долбанутых на всю голову автомобилистов, считающих, что рекомендации Минздрава спасут их на дороге, я таскаю с собой огромное количество нужной и ненужной мне медицины, периодически ее обновляя. Ибо не фиг. Никогда не знаешь, что тебе пригодится в архангельских или вологодских болотах, в которые меня заносит с завидной периодичностью. Теперь, конечно, уже заносило, но моя привычка теперь здорово меня выручила, и то, что мы тащим с собой, – это очень далеко не все, что я автоматически притащил из машины.

23 июля 1941 года

План мой Виталик принял без дополнений. Я в принципе знал, где мне взять отряд. Знал, что бойцы этого отряда пойдут со мной в огонь и в воду. Будут умирать за меня, и молиться на меня, и, самое главное, никогда не предадут и не сдадутся в плен. Виталик со мной согласился, и любой согласится, только чуть позже, хотя нет, ТАМ согласится вообще любой. Где? Да в Верхнедвинском гетто. Да, я циник, и ничего человеческого во мне, наверное, уже не осталось, но я человек двадцать первого века, и Виталик понимает, о чем я говорю. Я когда-то читал, что в Литве за годы войны было уничтожено восемьдесят процентов евреев. Выжили лишь те, кто успел эвакуироваться на восток, и те, кого перед войной отправили на север как классово чуждый элемент. Вот они выжили, а остальные нет.

Сам я ни в каком месте не еврей, и Виталик тоже, но для нас это ничего не меняет. Я собираюсь уйти отсюда подальше, в Латвию и Литву, и строить небольшие опорные базы там. Уйду отсюда подальше, а уж там буду решать, куда двигаться дальше. Причина проста, я помню, что немцы будут творить в Белоруссии, и попасть под зачистку карателей мне совсем не улыбается, и, хотя Виталик знает эти места, уходить отсюда надо как можно скорее. Двинуться я решил на Себеж. Через Россоны и Полоцк было ближе, но там наверняка шел поток немцев, подкидывающих подкрепления на Великие Луки, а на Себеже давно было тихо. Видимо, немцы прорвались дальше, на Псков.

Рано утром двадцать третьего июля мы закопали блиндаж и тщательно все замаскировали. Потом я вспомнил, как мой дед перед дорогой совсем ненадолго садился. Поддавшись воспоминаниям, так и сказал Виталику: «посидим перед дорожкой». Плюхнулись на пятые точки и чуть посидели. За эти несколько мгновений обычно люди вспоминают, не оставили ли они перед дальней дорогой что-то важное. Мы оставляли в этом блиндаже всю свою прежнюю жизнь, но она уже была для нас неважна. Жизнь начиналась у нас новая. Ничем не похожая на прежнюю, она могла закончиться уже за первым поворотом или у ближайшей деревни.

Всего десять дней назад мы ехали по этой дороге, сидя в комфортабельном джипе, теперь же неспешно шли по ней пешком. Был уже почти полдень, и впереди был целый день пути. Солнце жарило, как в пустыне Сахара. Отвык я от такой температуры и вообще от такой жизни. Хорошо, что в форме себя поддерживал, да и Витальку с собой везде таскал. И в тренажерный зал, и в бассейн, и к своему приятелю в военную часть. Мне просто одному скучно, и я быстро все бросаю, а так не успел расслабиться. Хотя, конечно, надо озаботиться каким-то транспортом, пешком не находишься, на мне столько навешано, что к концу пути я сам сдохну.

Уже через двадцать минут я понял, что зря потащил ППД и «Мосинку». Но куда теперь деваться? Не выкидывать же? Это не наш метод. У меня отношение к оружию трепетное, отбери у меня стволы – я ножами обвешаюсь, как елка игрушками. Впрочем, я и так ими всегда обвешан. Только теперь к своему стандартному комплекту я добавил штык от СВТ и пехотную лопатку из машины, которые несколько дней точил и правил. Так что теперь этими приборами бесшумного, но неминуемого убийства при некоторой сноровке можно побриться.

Километров через семь впереди показалась деревня. Я не стал заморачиваться с разведкой, длительным наблюдением и ползанием по огородам. Немцам здесь делать нечего – до шоссе далеко, а окруженцы должны были уже давно пройти, и я поперся по деревне внаглую и не ошибся. Деревенька, в общем, небольшая, но обойти ее сложно. Она зажата двумя большими озерами, а вокруг сплошные болота. Шли по деревне неспешно, народу никого, только в одном огороде мелькнула шустрая старушка. Понятно, что за нами наблюдала вся деревня, главное, чтобы не в прицел пулемета. Потихоньку дошли до противоположной околицы, вышли из деревни и свернули в лес. И тут я решил схитрить и понаблюдать, да и отдохнуть надо было. Расчет оказался верным. Минут через сорок из деревни выехал мужик на телеге и шустро попылил в нашу сторону.

– Транспорт – это хорошо, жаль, не броневик, – вслух прокомментировал я.

– И не самолет, – поддакнул Виталька. Видимо, хождение пешком с грузом у него тоже не самое любимое занятие. Надо сказать, что, втянувшись в лес, мы первым делом пробежались метров сто пятьдесят по опушке и только после расположились наблюдать. Я в бинокль, а Виталька чуть в сторонке слушал лес, потом махнулись. Теперь ждали своего языка и «такси». Не просто же так я сидел сорок минут, до следующей деревни километров пятнадцать. В такую даль пешком переться утопчешься.

«Таксист» наш здорово удивился, увидев перед носом ствол автомата. Нас рядом с деревней он явно не ожидал увидеть. Загнали телегу в лес, и я быстренько начал трясти «таксиста». Увидев форму НКВД, он только что не обделался от страха, но стойко молчал, и это мне сильно не понравилось. Поэтому, не заморачиваясь, я заехал ему в печень, связал руки сзади и разрезал штаны вместе с подштанниками. После чего демонстративно срубил штыком от СВТ небольшую березку и объяснил, для чего. «Таксист» запел соловьем. По большому счету петь он мог все, что угодно, проверить его не было ни возможности, ни времени, я только подправлял песню в нужное русло. Мне главное было его сломать, а там, может, что-то полезное среди общего вранья услышу.

По обстановке дальше, в смысле по деревням, «таксист» не врал, я же помню, что проезжал, а вот дальше нес какой-то бред про дивизию окруженцев, оседлавшую шоссе, чего быть не могло в принципе. Немцы не идиоты и долбили бы эту дивизию самолетами до посинения. В общем, «таксист» был мне больше не нужен. Он очень странно врал, боялся нашей формы и продолжал врать, и нужно было его зарезать, ибо «такси» мы дальше поведем сами. Но мне потом в эту деревню возвращаться, да и вреда мне он пока не нанесет, так что меня сменил Виталик, а «таксисту» я предложил заткнуться, пока не началось.

Расстались мы почти довольные друг другом. «Таксист», со связанными сзади руками, разрезанными штанами и стреноженными ногами, мог доскакать до деревни только через пару часов, как минимум, а мы не торопясь поехали на телеге.

Добрались до следующей деревни, небольшой и абсолютно пустынной, проехали ее и к ночи дотряслись до третьей. «Такси», в смысле телегу, оставили прямо на дороге, а лошадь освободили, обрезав постромки и отправив животину пастись. Вот в этой деревне, достаточно большой и совсем недалеко от шоссе, почти наверняка были немцы. Притормозили на околице и, расположившись прямо у крайнего огорода, наскоро пожевали, запивая тушенку водой из фляги. Блин, как она уже надоела. Десять дней одна тушенка. Правда, тушенка в этом времени классная. Величайшее изобретение человечества. Главное – здорово напрягало отсутствие лука с чесноком, которые мы с Виталькой сожрали за четыре дня. Приучил меня Виталик, на свою голову, теперь витамины исчезают с космической скоростью, а найти нас на стройке, принюхиваясь, можно было по запаху.

В деревню я пробрался после заката. Шел налегке, только «Наганы», ножи и гранаты. Не скажу, что легко, но до центра деревни дошел. Немцев было немного, видно, какая-то проходящая часть. Семь машин и пара мотоциклов с колясками, часовых двое. Хорошо, что деревенские рано спать ложатся, да и немцы наверняка всех разогнали. Пока фрицы в деревне, ни один нормальный человек девку из подпола не выпустит. А без девок какие посиделки с полежалками?

Вернулся к Виталику, он ждал меня на околице, загрузился, и протоптанной тропой пошли по деревне. Нагло? Да, нагло, но маршевая часть, глубокая ночь, отсутствие света и луны. Знал бы немецкий язык, горланя, по центральной улице бы поперся, а так на мягких лапах, я первый, Виталик за мной в трех шагах, прижимаясь к заборам и палисадникам. Вывел Виталика за околицу, разгрузились и вернулись обратно, к грузовикам, а вернее, к мотоциклам.

Первого часового я зарезал. Неэстетично. А что делать? Не надо спать на посту. Устав писали умные люди. Ну да ладно, в другой жизни перечитает. Забрал документы, прошелся по карманам. О! Сигареты! Порадую Виталика, а то он мучается с махоркой. Подсунул под труп лимонку. Ну так, чисто поржать. А вот второй часовой не спал, зараза, и его отвлек Виталик. Повернувшегося ко мне спиной немца я отоварил со всей дури, рукояткой «Нагана» в висок. Готов, можно не править. Опять документы, пилотка, часы с руки, вторая лимонка.

Таких приколов вы еще не знаете. Ну ничего, ученье – свет, а недоучек – на кладбище. Винтари с часовых брать не стал, не последние еще, разживусь, и так нагружены по самое не могу. Третью лимонку пристроил под заднее колесо одной из машин. Кстати, машины. По-быстренькому, страхуя друг друга, прошвырнулись по грузовикам. Ага, какие-то ящики, значит, не пехота, поэтому и часовых так мало, еще одну гранату между ящиками, пусть сюрприз будет. Семь грузовиков, два мотоцикла – от пятнадцати до двадцати с копейками рож. Нет. Всех не вырежу, да и, если честно, после часовых меня внутри колбасит чего-то. За годы мирной и благополучной жизни отвык я от такого экстрима.

Теперь мотоциклы. Оба с пулеметами. Вот уроды, даже не сняли и с собой в хату не утащили. Совсем оборзели твари. В коляске одного лежит большой мешок. Из второго прихватил ящик, я надеюсь, с патронами, перегрузил в первый, он стоит удобнее, разворачивать не надо. Впряглись с Виталиком в этот мотоцикл и покатали его на выход. У второго мотоцикла обрезал все шланги. Я бы еще и колеса проколол, но сильно шумно шипеть будут.

Ходить пешком я не буду. У меня тонкая организация души, мне пешком ходить противопоказано, и так сегодня лишнего ходил, да еще под грузом. Добрались до оружия, загрузили все в коляску и, по-прежнему пешедралом, покатали добычу по дороге. Толкали мы мотоцикл где-то метров восемьсот и, умотавшись окончательно, остановились. Интересно, когда у немцев будет смена караула? Вот ровно до этого времени можно отдыхать. Расположились прямо на дороге. Одарил Виталика сигаретами, оказалось, он в бардаке грузовика нашел сразу две пачки, порадовал водителя.

Командиру второго батальона.

94-го полка 284-й охранной дивизии

майору Гельмуту фон Кляйсту.

Репорт.

Докладываю Вам, что в 4 часа 00 минут 24 июля 1941 года диверсионная группа советских войск совершила нападение на транспортную колонну 115-й пехотной дивизии. В результате боя погиб командир транспортной роты обер-лейтенант Райххельм, обер-ефрейтор и одиннадцать рядовых чинов. Еще пятеро рядовых получили различные ранения. Также в результате нападения уничтожены два грузовика с боеприпасами и мотоцикл. Один грузовик поврежден, еще один мотоцикл неизвестными похищен. Силами вверенной мне роты было произведено прочесывание леса, однако поиск неизвестной группы противника успехов не имел. В дальнейшем были организованы мероприятия по поиску нападавших в трех ближайших населенных пунктах и их окрестностях. Указанные мероприятия продолжаются в настоящее время.

Командир четвертой роты второго батальона, 94-го полка 284-й охранной дивизии обер-лейтенант Лемке.

Граната взорвалась в четыре утра. Так показали трофейные часы, я даже прикорнуть успел, накатив пятьдесят капель коньяка для успокоения нервов. «Курвуазье»! Франция! Память из прошлой жизни! Недаром я его два года с собой таскал. Ну да, а что ему в схроне делать? Я его только во фляжку со склада перелил.

Виталик бдил. В деревне пошла потеха. Какой-то чудака даже влупил очередь, судя по звуку, из автомата. Вторая граната, веселья добавилось. Вот теперь вам часа на три развлечения, пока первый грузовик с места не стронете.

Сереет, детали пейзажа уже видны. Хорошо, свежо, самое мое любимое время летом. В мешке – женская шуба. Мне резко захотелось вернуться и найти владельца мешка. С трудом отогнал жгучее желание. Я надеюсь, это он нашел одного из часовых. Засунул обратно в мешок и пристроил в коляске, отдам кому-нибудь. Ящик оказался с гранатами. Колотушки, М-24, помоему, если мне память не изменяет. Ладно, пусть будут.

Озадачил Виталика проверить горючку и завести мотоцикл. Сам обзираю окрестности, отойдя метров на пятнадцать в сторону деревни, отсюда лучше видно. В общем-то, ничего не видно, только вот опять из винтаря кто-то выстрелил. Устроил я праздник местным жителям, но мотоцикл нам нужен. Пешком мы до Латвии только к концу лета дойдем, особенно если я вот таким вот образом в каждой деревне развлекаться буду.

Мотоцикл завелся и ровно затарахтел, я подбежал к Виталику и закинул автомат в коляску. Нахлобучил пилотку часового, второй пилотки нет, поэтому Виталику сказал намотать бандану. Сам сел за руль, Виталик сзади. Ну, покатили. Отъехали, впрочем, недалеко, проехали всего километров восемь. Как только вдалеке показалась следующая деревня, я остановился и заглушил мотоцикл. Надо было привести себя в порядок и переложить вещи.

Первым делом вытряхнул из багажника мотоцикла весь хлам. Там, под запасным колесом на коляске, нехилый такой ящик. Тряпки, впрочем, оставил, это, похоже, галеты, консервов шесть банок, фляга. Там же нашел кожаный ранец со всякими мелочами, двумя перевязочными пакетами, и мотоциклетные очки. Убрал в ранец документы часовых, бритвенный прибор, одеколон, чистую тряпку и кинул ранец обратно. Очки отгреб себе, а Виталика начал маскировать, второй-то пилотки нет. Виталик будет у меня раненым в голову, для чего я намотал ему немаленький такой тюрбан из двух перевязочных пакетов, закрепив повязку под подбородком. Наше оружие, кроме Виталькиного автомата, я убрал в коляску, под брезентовый фартук. Пулемет на коляске был, даже лента заправлена, но нам за него сажать некого, да и некуда – коляска забита битком.

В общем, я надеюсь, выглядим мы не настолько несуразно, чтобы по нам сразу начали стрелять. Наш камуфляж издали похож на камуфляж разведчиков. Наверное. Другой одежды у нас все равно нет, а раздевать часовых было бы верхом наглости. Договорился с Виталей и

об условных знаках. Языка-то мы не знаем, чуть что, сразу в бубен, а у меня руки на виду, так что начинает он. Если поднимаю левую руку – внимание, поднимаю правую – к бою, правой рукой стучу себя по левому плечу – гранаты, а дальше по обстановке.

Двинулись. Небольшая деревня забита войсками, часовые чуть ли не через дом, грузовики, броневики, мотоциклы. Гоню через деревню не останавливаясь, пыль за мной столбом. Вот и поздоровались, заодно и помоемся. Наконец деревня заканчивается, выездного поста нет. Ну и ладушки, живее будут, пока до фронта не доберутся. Ух, хорошо, я уже думал – мы сразу и приехали. Очень уж немцев в деревне много, и проснулись они рано. Сразу видно, на тот свет торопятся, на фронт, в смысле.

Еще километров через десять проселок вливается в шоссе. Налево Себеж, направо Пустошка, нам налево. Шоссе пока не слишком оживленно, проскакивают редкие машины. Остановился на перекрестке. Теперь мне нужен «спонсор», то есть машина или мотоцикл, который пойдет в нужную для меня сторону и к которому я прицеплюсь на небольшом расстоянии. Я это называю спонсорский забег. Дома здорово помогало от диких гайцов, прячущихся по укромным уголкам трассы. Может, и здесь поможет хоть немного.

Вон какой-то грузовик. В ту сторону вряд ли войска, скорее снабженцы или техничка чья-нибудь. Отпустил грузовик метров на двести, чтобы он меня пылью не закидывал, и качусь за ним. Встречка небольшая, в основном по несколько грузовиков. На обочинах много набитой техники, тряпки, обломки, трупов нет, видимо, прикопали уже.

Хорошо идем. Впереди опять деревня, но она слева, шоссе захватывает только ее край. Машина втягивается в деревню, я чуть притормозил. Не. Все вроде нормально. Двинулся дальше. Околица, все путем. А вот в самой деревне развилка, машина ушла направо, а мне, похоже, прямо. Выезжаю из деревни. Все, дальше лес. Дорога попетляла через лес, решил, пока утро, не останавливаться. Надо по холодку проскочить как можно дальше. Еще десяток километров, справа и слева болотце, потом опять лес и сразу после него, метров через триста, деревня. Самка собаки! Как же хреново без карты. Делать нечего, но войск нет – уже хорошо.

Эту деревню сильно пожевало войной. Похоже, колонну с воздуха разбомбили, и деревушке досталось. Половину домов по бревнам разобрали, и раздолбанные и перевернутые машины по обеим обочинам валяются. Не везде трупы собрали, запашок есть. Давно я его не нюхал. Я даже притормозил. Семнадцать человек неубранных насчитал, это только те, кого с дороги видно. Две трети где-то из них гражданские, и все на поле, похоже, долбили разбегающихся из колонны.

Остановился я зря, запах усилился. Как же здесь местные деревенские-то живут? Попали ребята, за них никто трупы не уберет. Немцам по барабану, максимум машины на запчасти растащат, а по жаре это долго вонять будет. Тронулся, скорость набирая. Надо сваливать, пропитается одежда запахом, потом только стираться. Проехали и эту деревню. Пора где-то останавливаться, но за ней было поле, и пришлось двигаться дальше. За полем начался перелесок, который переходил в лес, но опять съезда никакого не было.

Зараза! Мне что, на дороге спать, что ли? Опять двигаемся дальше. Время, время, мать его, мне надо уходить с дороги, а некуда. Навстречу показалась колонна. К грузовикам были прицеплены орудия, дорогу заволокло пылью, и скорость пришлось сбросить, но останавливаться я не собирался. Сколько уже прошло машин, я не считал, но много, очень много. Не только грузовики с орудиями, похоже, еще и с боеприпасами и пехотой, гусеничные броне-транспортёры и кухни. Полк? Дивизия? Блин, откуда я знаю их состав? Эта дорога прямая на Псков и Питер. Видимо, подкрепления идут туда.

Если честно, голова у меня была забита немного другим. До сих пор трупы на поле перед глазами стоят. Давно я такого не видел. Довелось мне один раз в жизни, по молодости лет, разнесенную колонну на дороге увидеть, а потом на такой же жаре собирать то, что от ребят осталось. Выворачивало меня после этого еще два дня, и неделю снилось. Гражданских там,

правда, не было, только военоторговский «газон». Долго меня потом конфеты, насыпанные на трупы, во сне преследовали, а сами конфеты есть не могу до сих пор. С того дня как отрезало, а был сладкоежкой.

Наконец колонна прошла, прибавил скорость, пусть хоть немного пыль обдует, а то даже дышать нечем было. Лес заканчивался, пора сворачивать. Немцы уже проснулись, и по дороге сейчас пойдет сплошной поток, стал потихоньку притормаживать. Опять начался перелесок, а вот и съезд в поле. Сворачиваем и пылим по полевой дороге вдоль леса.

Само поле здорово раскурочено, воронки, подпалины, выгоревшие участки, разрозненные окопы, следы гусениц, чуть дальше, больше чем в километре, стоят четыре танка. Там вообще все перепахано, а у дороги, похоже, заслон сразу сбили, поэтому полевая дорога сохранилась. Надо будет ближе к вечеру там пошариться, может, осталось что ценное, та же карта в полевой сумке. Хотя вряд ли, раз запаха нет, значит, и трупов нет. Что само по себе означает, что трофейная команда работала. Они же и трупы прикопали, ну, или пленных пригоняли. Дорога-то в четырех местах была восстановлена, и воронки засыпаны, и битая техника на обочины скинута.

Встали мы удачно, в густом, но невысоком березовом перелеске. Грибов здесь, наверное, косой коси. Черт, какие грибы? Опять я о мирной жизни, никак мозги перестроить не могу. Ехал на мотоцикле и так же фиксировал: озеро классное – рыбалка, перелесок – грибы, песок на озере промелькнет – пляж. Немцы, прибитые мной ночью, не вспоминаются вообще. Как отрезало, а вот такая ересь в голову лезет постоянно. Вот выверты сознания. Хотя, конечно, то, что с нами произошло, начинает осознаться только сейчас. Просто потому, что перед глазами все чаще мелькают ужасы войны, а это не только трупы на дороге, но и то, что сейчас перед нашими глазами. Надо только голову повернуть – и смотри сколько влезет на наш подбитый танк, завалившийся одной гусеницей в неглубокую траншею. Это Т-26, по-моему, но я Т-26 от БТ не отличу. Так что не уверен. Одна гусеница у танка сбита, ствол пушки почти в землю упирается, люки открыты, но не сгорел. Он бензиновый, может, и повезло экипажу. Трупов, по крайней мере, рядом не валяется.

Здесь, в этом березняке, мы будем спать, а то сутки уже на ногах. Виталька – тот вообще не спал, а я около часа. Нервное напряжение отпускает, и разжимается пружина внутри, что была взведена с того момента, как мы ушли от блиндажа. Не хило мы отмотали за сутки. Главное – там, где мы шумели, нас нет, и никто не видел нас здесь. Можно спокойно отдыхать весь день. Дорога рядом, но не настолько, чтобы отдыхающая на привале солдатня добралась до нас. Окруженцев тоже можно не опасаться, по этой же причине – дорога рядом и открытое поле. Подобраться по-тихому к нам невозможно – со стороны леса перелесок слишком густой. Плохо только, что воды рядом никакой нет, а шариться по лесу в надежде найти родник у меня нет ни сил, ни желания. Так перетопчемся.

Загоняем бибику глубже в подлесок и маскируем срубленными березками. Все. Теперь отдыхать, раньше вечера я отсюда ни ногой. По-быстренькому раздеваемся и моемся. На это я пустил одну флягу воды из трех, больше нельзя, нам еще здесь весь день куковать. Пыль и песок даже на зубах. Смешно – я умыл пылью немцев в деревне, а они меня только что на дороге.

Первый спит Виталик, ему нужнее, у него это первая война и первый бой. То, что он ехал у меня за спиной, не значит ничего, все равно это бой, и внутри у него такая же пружина, как и у меня, только значительно мощнее. Виталия уснул, как только свалился на спальник, даже есть не стал, а у меня много забот. Надо все разложить и посмотреть внимательно, что нам досталось от немцев. Поест, побриться и почистить оружие. Мне надо заниматься делом, а то усну на посту, а по такой жизни можно проснуться на небесах. Хотя, впрочем, нет, лично мне это не грозит, черти меня уже заждались, да и не усну я так.

Разбудил Виталика через три с половиной часа, когда уже начал вырубаться сам. Уже без четверти двенадцать, жарко, солнце здорово печет. Так что пришлось соорудить над Виталькой небольшой навес. Он даже не проснулся, хотя спал беспокойно, дергался и негромко разговаривал сам с собой. Одна из его особенностей, он иногда просыпается, когда разговаривает во сне. В разведке с ним будет, мягко говоря, сложно, да и среди немцев не уснешь. Озадачил его конструкцией пулемета, заполз под коляску мотоцикла, наказал разбудить меня в три и тут же отрубился.

Проснулся сам. В пять. Отдохнул здорово. Виталик в своем репертуаре, будить меня не стал. Он всегда обо мне заботится, и война на него никак не повлияла. Поступает так, как он считает нужным. Все в ажуре. Пулемет вычищен, и заправлена новая лента, наша одежда отчищена от пыли, на втором туристическом коврике разложен импровизированный стол, открыты банки с консервами, лежат галеты и фляга с водой, даже стаканчик складной где-то нарыл.

Вот жук! Два хомяка в одной команде – это страшная сила. Пока обедали, налил ему полстакана из личных запасов, потом еще пол, надо снимать ему стресс. Себе не стал, мне еще бдить. Кстати, Виталька крайне редко ест один и вообще может не есть целый день, и с утра ест мало, только кофе, а кофе у нас банка только была, и она уже закончилась. Так что, когда подвернутся продвинутые фрицы, надо отжать. Необходимо заботиться о подчиненном. Все, уснул. Опять как выключили, устал он все же.

У меня был только один выход. Мы могли двигаться только вечером, ночью или ранним утром. Двигаться днем я не могу. Я не знаю языка, и первый же вопрос праздного фрица приведет к сшибке, после которой затравить меня будет делом техники и очень короткого времени. К сожалению, мы не могли просто зайти в деревню и спросить дорогу. Нет, я не опасался, что меня выдадут, это может быть несколько позже. Я боялся оставить любой след, даже просто след остановки. В движении и в потоке мы незаметны. Как только мы остановились, мы выделились. Сейчас немцы не знают, что нам нужно на запад. Они нас там не ищут, а искать они начали часов в девять. Если нас и ищут, то по дороге к фронту или трясут ближайшие деревни. Пока они не прочесывают леса, потому что маршевые подразделения на это не рассчитаны, а тыловые и фельджандармы заточены на выявление разведки противника, вот таких вот лохов, как мы с Виталькой, проверку документов и нарушения внутри своих подразделений. Они не ищут партизан, они пока слова этого не знают, хотя здесь Белоруссия рядом. Окруженцев там осело много, и слово «партизан» немцы выучат быстро. Они вообще очень быстро учатся.

Можно было бы сбегать на дорогу и отловить кого-то там. Сейчас по ней идет поток частей, к фронту, и идти они будут до самого вечера, но простой солдат мне не нужен. Ну если только отдать его Виталику, чтобы он того зарезал, пусть учится. Но у простого солдафона из маршевого батальона карты не может быть в принципе. Надо искать местных связистов, а для этого необходимо найти хотя бы нитку связи.

Пока я чесал репу и напрягал мозги, а Виталька спал, карта приехала к нам сама. Вернее, прибежала. Сначала я услышал тарахтение мотоцикла, потом короткую очередь. Толкнув Виталика, схватил бинокль и выглянул из подлеска. Впрочем, бинокль не понадобился, и так все прекрасно было видно. По полю мотоциклист гонял девчонку. Немцев было трое. Водитель пытался отжать девчонку к дороге, а два его приятеля, заходясь, ржали, передавая друг другу здоровенный пузырь, причем тот, что сидел за водилой, периодически одиночными постреливал в воздух из автомата.

Девчонка истерично металась по полю и громко визжала. Неожиданно тот, что сидел в коляске, свесившись, схватил девчонку за подол платья. Треснула тоненькая ткань, оголилось плечо, но девчонка вырвалась и припустила прямо к лесу. Я мог завалить уродов одной очередью, но у меня не было такого оружия, как у них, а выстрелы наверняка услышат на дороге, если там есть зрители.

Девочка почти добежала до перелеска, но по прямой водила надал, и тот, что сидел в коляске схватил ее поперек и затянул на колени. Мотоцикл докатился до перелеска и заглох, с девчонки ободрали платье и бросили на землю. В общем, все было понятно – победители развлекались. Один держал девчонку за волосы и руки, второй пристраивался между разведенных ног, третий с удовольствием на все это смотрел, посасывая из оплетенной соломой бутылки, как потом оказалось, весьма неплохое вино.

Что может сделать хорошо подготовленный человек, вооруженный двумя ножами, объяснять никому не надо. Особенно когда его совсем не ждут. Того, что держал девчонку за волосы, я завалил штыком в спину. Он был очень уж здоровым и, похоже, самым опасным. Второму с ходу пробил ногой в голову, как по футбольному мячу. Фриц так удобно раскорячился. Третий стоял слева и как раз запрокидывал голову, накатывая очередную порцию. Нож я оставил в трупе, поэтому со всей дури засадил ему по висюлькам кулаком. Немец фальцетом взвыл, сложился пополам и, рухнув на колени, свернулся на траве калачиком, зажмурил глаза и тоненько попискивая. Видимо, в экстазе. И сразу напомнил мне неродившегося младенца, которого на плакатах рисуют. Блин! Как же они называются? О! Эмбрион! Только эта скотина в пару десятков раз больше размерами.

Я еле успел сказать: «Живым», и Виталик вместо приема «приклад по черепу» исполнил прием «приклад в душу». Я планировал взять живым одного, а получилось двое. Здоровый, но неживой немец завалился прямо на девчонку, и визг немного приглушило. Требовалось срочно выключить звук, а то у меня образовалось много дел. Подсунув руки под правильного немца, я нащупал сонную артерию. Девчонка задергалась сильнее, но опыт победил, и она отрубилась. Что ж, пусть повалывается. Я столкнул с нее пока единственный трупешник, а то задохнется ребенок. Немцев надо было срочно раздеть, причем догола. Чем мы по-шустрому и занялись, только сначала развернули и закатали мотоцикл в подлесок, насколько это было возможно. Очень удачно они нам форму привезли, и по размеру подходит. Витальке, правда, будет великовата, ну да ладно, не ателье готового платья. Не понравится, сбегает на дорогу и выберет по размеру.

Сначала в четыре руки раздели и разули «зафутболенного». Заодно и связали в положении руки сзади. Справились достаточно быстро, потом накинута его мундир на девчонку. Чисто чтобы под закатывающимся солнцем не обгорела. Говорят, вечерний загар самый стойкий, да и белизной своей смущает да выпуклостями, и, по ходу, не меня одного. Вон как «зафутболенный» глазами зыркает, обломали мы ему весь кайф. Ну да он в сознании и молчит, иногда даже жестами я бываю очень убедителен. Впрочем, «живой пример – покойный Иван Иванович» лежит рядом и не питюкает. Пусть только что-нибудь вякнет, ляжет рядом моментом. А рожу я ему капитально разнес! Приятно на него посмотреть. У меня сейчас такое настроение, что я ему все зубы вырежу штыком и совершенно без наркоза.

Так, теперь «эмбриона», тоже здоровенная скотина. Вот с этим уродом сложности, он разгибаться не хочет. Нейрон ему на воротник! Он вино мое уронил! А чем я фемину нашу буду отпаивать? Не. Есть немного, где-то с четверть. Ну ладно, живи пока. Повторим прием «сонная артерия». Можно было бы и по башке ему съездить. А если прибью под настроение? Он мне живой нужен, пока. Ненадолго. До вечера, не дольше. Опять в четыре руки раздеваем «европейского освободителя» и связываем, разумеется.

Теперь ништяки. Богатые фрицы! Два автомата, пулемет, четыре пистолета, три ножа, две целых формы, не в крови, в смысле, очки. И главное – карта! Карта! Эфиоп вашу мать! Это вы удачно заехали. Я вас за такой подарок даже убью не больно. Зря я это пообещал. Погорячился. У меня на вас планы другие, и вам мои планы сильно не понравятся.

Пока девочка в отрубе, надо кое о чем договориться с Виталей. С этого момента имен у нас нет. Я теперь «Второй», а он «Третий» или, когда посторонние, но вроде наши, я капитан госбезопасности, а он старший лейтенант госбезопасности. Почему «Второй»? Чтобы никто не

догадался, что «Первого» нет, мы же будем получать приказы из Центра или от Командира. А Первый – это всегда секретарь обкома, горкома или райкома. Величина! Понимать надо конъюнктуру местного рынка. Слух-то все равно пойдет. Всем сразу захочется сдать мое несуществующее руководство и погреть на этом руки. Вот и пусть ищут до посинения, а я им еще помогу по месту. Мы с Виталиком такие затейники. Никому скучно не будет. Удачи им всем в их нелегком стукаческом деле.

Отсутствие у нас документов – достаточно серьезная проблема при встрече с различными окруженцами и оккупированными жителями, а рассекать в форме НКВД по тылам немцев – это не слишком простой способ самоубийства. Так что переодеваться нам все равно придется, благо форму мне по благу подогнали. Я бы и сейчас переоделся, но девчонку пугать не хочу. Объясняй ей потом полночи, что эти кадры – не мои приятели. Озадачил Виталика перегнать наш мотоцикл с вещами. Что он через десять минут и сделал, просто свалив все разложенное в коляску, а мне пока нашу фемину приводить в чувство придется. Пора. У нее сейчас новая жизнь начнется или не начнется, это уж как кому повезет. Только нагнулся к ней, гляжу, а она уже сама глазами хлопает, только рот стал открываться заорать, форму мою разглядела, ну да, энкавэдэшную, теперь глаза распахиваются, я и не знал, что у человека так широко глаза открываются. Потом мотоцикл затарахтел, она аж съежилась. Вот напугали ребенка, уроды. Я палец к губам приложил.

– Свои – говорю, – это «Третий». – Она головой затрясла. Поняла, значит. Тут Виталик подтянулся. Он уже одеться и обуться успел, а то в одном трусеньке, босиком и с автоматом Виталик смотрелся довольно необычно. В другом случае я задолбал бы его своими подначками, но не в этот раз. С другой стороны, молодец, подтянулся сразу и поучаствовал, а не за штаны схватился. Прикладом в грудь «зафутболенному» он так зарядил, что тот ни о каком сопротивлении и думать не мог, хотя поначалу ствол у него был под руками.

Загнали второй мотоцикл и поставили рядом. Хорошо они смотрятся! Красиво. Один мотоцикл новый совсем, это тот, который фельджандармы нам подогнали, второй поюзанный, но тоже ничего. Главное – пулеметов теперь два, если кто на поле вылезет, мы его в два смычка в пыль разнесем. Если это не танк будет. Эх, что-то я опять обрастаю вещами. Пора искать грузовик.

То, что я собираюсь сделать, выходит за рамки здравого смысла. Выходит за рамки понимания жизни и гуманизма, человеческих и дружеских отношений, но у меня нет главного. Времени. У меня катастрофически нет времени. У меня нет времени на обучение людей и на понимание, сможет ли завтра человек убивать или психологически не сможет этого сделать. Именно для этого мне нужны живые фрицы. Можно резать и труп. Вернее, сначала они будут резать труп. Вынут штык, разденут на пару, а потом будут его резать, но у меня нет другого выхода. Мне надо собирать отряд, и обкатывать систему обучения отряда я буду на единственном близком мне человеке и на этой пигалице. Иначе все бессмысленно.

Дело в том, что я не могу просто набрать приبلудных окруженцев, возглавить их и решать свои дела. Возникнет слишком много вопросов. Не могу примкнуть ни к какому отряду или окруженной части. В этом случае вопросов будет еще больше. Я предпочитаю собрать небольшой отряд преданных лично мне людей и, перемещаясь по нескольким областям, максимально гадить немцам. При этом я совершенно не собираюсь бросаться с голой пятой точкой на танки. Эта точка у меня одна, я к ней привык, и терять ее из-за идиотизма красных командиров и комиссаров у меня нет никакого желания.

Нет, конечно, можно сжечь танк и один на один. Но обычно танки в одиночку по полям не шарятся, а таскаются с целой свитой почитателей и поклонников, а те, в свою очередь, очень не любят, когда их любимую железку обижают. Махаться со всей германской армией я совершенно не собираюсь. Так, потихоньку, полегоньку, по часовому, по мотоциклисту, приبلудной машинке и мимо пробегающему паровозу, отщипывать я согласен. А иначе пусть идут все

лесом, тульский самовар им всем за ухо. Я могу прямо сейчас все и всех бросить и в одиночку пробраться отсюда. Куда? Это я решу потом. Один я пройду куда угодно. Что по немцам, что по нашим. По трупам, разумеется. В ту же Венесуэлу, Бразилию или Аргентину, через Болгарию, Турцию, а затем и Африку. Туда, где не воюют, где ласковое море, мягкий песок и полуголые красотки. Туда, где еще лет тридцать не будет войны. Доберусь и буду просто жить, ни о чем не думая и не терзая себя угрызениями совести. Это не наша с Виталиком война. Мы здесь случайно и в мясорубку не полезем.

Сейчас девчонка приходит в себя, глядя, как мы с Виталиком облачаемся в немецкую одежду и пакуем оружие и снаряжение теперь уже в два мотоцикла. Да, я решил на время оставить себе две бибики, до того времени, пока не найду грузовик. Просто мне жалко бросать пулемет, ну или пигалицу, но пулемет мне жалко больше. Еще и своего оружия куча, и ящик с гранатами. Если посадить девчонку в коляску мотоцикла, весь хабар придется выкидывать, а это не в моих правилах.

В первую очередь я разделся почти догола, абсолютно не стесняясь никого. Это тоже испытание для девчонки и обкатка для меня. Вспыхнула и отвернулась, но я специально разделся у нашего мотоцикла и голый пошел к бывшим шмоткам «эмбриона», они мне больше по размеру подходят. Прямо перед носом у пигалицы. О! Процесс пошел! Она заметила, во что одета. Но это еще цветочки! Ты не знаешь, что я для тебя приготовил. Штык я специально из немца не вытащил, будет тебе первое испытание или Виталику. Как пойдет. Нет у меня для тебя одежды, вот просто нет, и все. Так же как есть, только наоборот. Только нательное белье и мундир «правильного» немца. Почему «правильного»? Да потому что холодный и молчаливый.

Нательное белье проигнорировал, хорошее, кстати, надо будет потом кого-нибудь загрузить постирать, пригодится. Форма подошла почти идеально, «эмбрион» поздоровее будет, но не сильно заметно, правда, рукава мундира все равно короткие. Ладно, закатаю, они все равно в колоннах через одного с закатанными рукавами. Виталик тоже переодевается. Мать вашу душу! Я только сейчас заметил, ну я и тормоз! Он у нас теперь фельдфебель или унтер-офицер, я в этих званиях не разбираюсь, но не рядовой! Единственный рядовой как раз я. Правильный тоже чин, только поменьше. Понятно теперь, почему «зафутболенный» первым был, все по чину, и еще мы теперь фельджандармы. У них бляхи такие, на цепочках. Вот это подарок так подарок, даже кожаные плащи, что на сиденье в коляске лежат, меня порадовали меньше. Вот свезло так свезло! Не фрицы, а пещера Аладдина! Всю жизнь мечтал стать немецким гаишником. Теперь надо только на их коллег сдуру не нарваться.

Вооружены фельджандармы были очень неплохо. У всех троих по «Парабеллуму» Р-08, а у «эмбриона» еще и ТТ. Надыбал где-то пистолетик вторым стволом. Даже в кобуре, и кобура висит на ремне так же, как у нас – справа сзади. Пусть будет, пригодится. Тетеха – штука хорошая, патроны надо будет только поискать. Отмету в заначку как запасной ствол, а себе два «Парабеллума» заберу. С двух рук я стрелять умею. Особенно если в упор.

О! Вот и «эмбрион» очнулся! И сразу попытался стать эмбрионом, а руки не пускают, и пасть стал открывать не по делу. Лопочет чего-то, голос повышает. Я как раз свои ботинки обул, ну да, переобуваться я не стал, мне удобство важнее, а к сапогам я не приучен. Щас, падшая женщина, будет тебе повышение голоса. Красивые у него висюльки! Прямо целые помидоры. Грамотно я ему зарядил! Больно тебе, наверное? Это еще не больно, больно, когда голым заднепроходным отверстием на муравейник, но муравейника у меня нет, а березок вокруг полно. Вот почему деревенский мужик сразу понял, а цивилизованный почти европеец нет? Наверное, потому что я немецкого не знаю? Ничего, я на пальцах объясню.

Сначала, понятно, профилактический пинок в печень. Обоим. Но ведь потом мог бы и помолчать? Вот «зафутболенный» понятливый, но он, похоже, по-русски понимает, слишком прядет ушами, и рожа осмысленная. Он бы давно заорал, просто я начеку и надолго из внимания их не выпускаю, а то, что я его в секунду зарежу, как только он попытается воздуха

набрать, он понял с полпинка. Да и в живых надеется остаться, наверняка думает, что я его допрашивать буду. Форму-то он тоже разглядел, а мне его допрашивать не о чем, я его совсем для другого в плен взял. Разве что только спросить, где его камрады базируются?

Пришлось делать кляпы. Кусок березы сантиметров в тридцать поперек пасти, перехваченный пропыленным бинтом Виталика. Такую оригинальную конструкцию они еще не встречали. Зато дешево и быстро. Ну да, немного неприятно, но это же не ножом по горлу. Во! А говорят, по-русски не понимают. Все отлично понимают, главное – правильно объяснять. Бейцы – это бейцы, но можно ведь и просто штыком слегка пощекотать. Ничего, что теперь кровь течет. Потечет-потечет и перестанет. Не волнуйся, кровью истечь не успеешь. Я не позволю мучиться европейцу. В край, жгут наложу на шею, а если будешь плохо себя вести, затяну не полностью. И великий воин сдыхать будет очень долго и очень мучительно, прямо мучительней некуда. Не. Это не я придумал, это китайцы, все претензии к ним.

Прошу Виталика дать мне стакан, наливаю вина и даю девчонке. Я специально не заговариваю с ней. Не пытаюсь узнать ее имя, возраст и прочее. Я веду себя так, как будто ее здесь нет. Мне не все равно, но спрашивать сейчас бессмысленно. Она еще не отошла от шока, если начну расспрашивать, может начаться истерика. Поэтому быстро, четко и только своими делами. Будет время, поговорим. Сначала она мотала головой, но я просто объяснил, что здесь командир я и она либо с нами, либо сама. Если сама, то сняла мундир и пошла отсюда, некогда с тобой возиться. Я понимаю, что это жестко, даже жестоко, но мне надо от нее полное послушание. Это потом я буду жалеть эту девочку и искать ее родственников, а сейчас надо понять, как выжить. Так что три стакана слабенького вина она осилила. Я тоже приложился, из горла, а Виталик добил. Точно «зафутболенный» язык понимает, прислушивается, гаденыш. Отведя Виталика в сторону, быстренько рисую картину, как вижу, не забывая про «зафутболенного». Поэтому берем немцев и раскладываем отдельно мордами вниз, чтобы были видны руки, потом беру бинокль, накидываю разгрузку, хватаю ППД и бегу по опушке к дороге.

Самая правдивая информация – это та, которую ты получил сам. Остановился метров за двести от шоссе и принялся высматривать обстановку. На дороге обычная движуха, машины небольшими колоннами и по одной, и огромная колонна пехоты, почему-то пешедралом и с телегами. Ни комитета по встрече, ни зрителей, ни напарников «правильных». Ну да их скоро будет трое, причем обязательно будет. Всего ничего с ними общаюсь, а уже жалею, что живыми взял, но взять «языка» – это у меня рефлекс, вбитый на уровне подсознания. Наблюдаю минут десять и скачу обратно. Ничего нового, кроме десятка велосипедистов с винтовками, шустрой стайкой проехавших мимо. Вообще заметил: винтовки – основное оружие. Автоматы только сейчас попались, зато единых пулеметов достаточно много. MG-34 – хорошая машинка и закреплена на коляске на жестком поворотном вертлюге.

На стоянке идиллия. Виталик разговаривал девочку, сидят чуть в сторонке, воркуют. Даром, что ли, я ее поил? Виталик должен был ей еще треть стакана коньяка накатить, ибо командир приказал, и покормить слегка, открытые банки с консервами у нас остались, не пропадать же добру. Им еще «правильного» раздевать, пока не закоченел, и ей его мундир надевать, а на трезвую может и сломаться. Не зверь же я. Своих надо беречь. У нас же все как всегда, я – злобный командир, а Виталья – добрый подчиненный. Мы этим приемом и на стройке пользовались. Я поэтому и фрицев пинаю в одно лицо. Надо, чтобы Виталик был добрым, а пинающий связанного пленного добрым быть не может по определению. Местные девочки и мальчики так воспитаны.

Мне-то лично все равно. Если понадобится для дела, я «эмбриона» и «зафутболенного» забью ногами или прикладом автомата до смерти, а «правильного» убью еще раз, каким-нибудь заковыристым способом. Но только если надо для дела. Я не зверь – ничего личного. Ненависти к немцам у меня нет и в помине, но война к личным качествам отдельных людей никакого отношения не имеет. Есть только четкое разграничение: ты и враг.

Точно «зафутболенный» язык понимает, вон как уши в трубочку вытянулись, и голову в сторону Виталика с девочкой повернул. А повернулся-то он как удобно. Пока я гулял, этот шустрый немец развернулся на один бок и принялся крутить кистями, пытаюсь освободиться от ремня. Ну сейчас ты у меня получишь! Проходя мимо, влепил ему с ноги в бочину. Исключительно профилактически, чтобы не расслаблялся.

Никакого садизма или издевательств. Обычное психологическое давление и обязательное физическое. «Зафутболенного» аж подкинуло, совсем он пинка не ожидал. Когда необходимо, я умею ходить совершенно бесшумно. Там, где я провел некоторую часть своей жизни, это был один из элементов выживания. Яростно обернувшись «зафутболенному» я по-дружески улыбнулся. От таких улыбок люди в штаны накладывают, но ему некуда накладывать. Он, как и «эмбрион», голый. Это тоже элемент психологического воздействия. Голый человек очень неуютно себя чувствует.

Еще раз, ослабившись и дружески кивнув звереющему немцу, я тут же резко ударил еще раз, носком ботинка по нерву на руке. Такое уметь надо, этому в школе не учат. Это чтобы ты, гаденыш, место свое не забывал, а будешь неправильно смотреть, еще раз по башке получишь. Хорошая штука этот березовый кляп! Жаль только, не сосновый или еловый, он неприятней, смола все же, да и кора немного отличается. Ничего, еще не вечер. Будешь себя плохо вести, я тебя, падаль, за то поле с убитыми беженцами прямо здесь освежую, у меня как раз настроение подходящее. Кстати, о вечере. Подойдя к своим, тихонько опустился рядом. Застал только концовку рассказа, но и ее мне хватило, хотя ничего необычного я не услышал. Правда, планы придется менять, психологическая накачка Виталику уже не нужна. Ну да ничего, фрицы не последние на дороге. А история? История обычная для этой войны.

Жила-была семья. Папа – советский служащий, где он там трудился, я не застал. Мама – учительница, бабушка да две девчонки-погодки семнадцати и шестнадцати лет, Вера и Катя соответственно. Обычная семья. Когда в конце июня во время авианалета в их дом попала бомба, сестренки выжили случайно. Их просто не было дома. Они были у подружки, семья которой собиралась эвакуироваться. Пришли домой, а вместо дома яма, даже хоронить некого, и из вещей осталось только то, что на них. Вместе с этой семьей они, убитые горем, поехали в эвакуацию, но уйти далеко не удалось. Сразу за Себежем машина сломалась, и они остались в приютившей их семье еле знакомых им крестьян.

Добренький крестьянин, миленький такой дядечка, поселил сестренку в сараюшке рядом с домом, нагрузив попутно всей работой по дому, включая полив огорода размером с два футбольных поля. Понятно, что поливом занималась и вся семья, включая малолетних детей. Четыре дня назад немцам приглянулась старшая дочка хозяина дома, и он, паскуда, недолго думая отдал сестренку немцам. Два дня назад вот эти вот трое освободителей от большевизма забрали сестренку Веры, просто отловив девчонку на улице, а сегодня добренький крестьянин отправил Веру за грибами в ближайший лес, только почему-то не с утра, как обычно, а ближе к вечеру. Вот такая вот простенькая история, и это я еще без особых подробностей.

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности! – обратился я к Виталику. – Расстрелять «эмбриона». Штыком! Второго не трогать. – Виталик как во сне подошел к «правильному», рывком вытащил из него штык, даже коленом уперся ему в поясницу, потом в три шага оказался рядом с «эмбрионом» и с силой воткнул ему штык между лопаток. Как на скотобойне. Видно, рассказ девочки его пронял до печенок. «Зафутболенный» тоже впечатлился по самое не могу, но мне на его переживания с высокой колокольни не рассмотреть. Мне еще о покойниках думать.

– Стрелять умеешь? – спрашиваю у девочки.

– Нет. – Длинные косы аж хлестнули по бокам и спине девочки. Ничего себе резкость. Я думал, у девочки сил уже не осталось. Куда же алкоголь, что мы в нее впихнули, делся?

– А научиться хочешь?

– Да. – Не менее резкий кивок. Блин. Осторожней надо с вопросами. Отломится голова у девчонки. Как ее потом обратно присобачивать? Суперклей здесь еще не придумали.

– «Второй»! Обеспечить «Наганом», научить пользоваться, вставить в барабан два патрона, мишень – «зафутболенный».

Виталик достал «Наган», откинул барабан, вытряхнул патроны и, вставив два, поставил барабан на место.

– Хотя ладно, – уже миролюбивей добавил я, – дай я сам. Глянь, что там у фрицев выпить есть, и давай поедим, что ли, вечером ехать, а когда поесть в следующий раз удастся, не знаю. – Выпить – это не мне, это Виталику, он только что первого человека убил, причем штыком, надо стресс ему снимать. После чего сел рядом с девочкой, отдал ей «Наган» и показал, как держать его двумя руками. Держа ее ладошки, крепко сжимающие револьвер, взвел курок, навел остолбеневшему от дикого ужаса «зафутболенному» в живот и сказал:

– Этот твою сестренку убил? Вот мы ему сейчас в живот, пусть помучается. – Договорить я не успел, выстрел раздался моментально. «Зафутболенного» выгнуло дугой, крик прорывался через березовую деревяшку, и получался дикий, утробный вой. Я мельком, краем глаза глянул на девочку и поразился. Прищуренные глаза, решительно сжатые губы. Раздался щелчок, и сразу второй выстрел. В голове «зафутболенного» появилась незапланированная дыра. Точно в переносицу. Охренеть. Пока я на нее смотрел, девочка взвела курок и сразу выстрелила. И попала. Вундеркинд. Берем. Отдам свою снайперку, вот только куда-нибудь доберемся, и сам учить буду. Никому такого самородка не доверю. В жизни такого не видел. Чтобы в первый раз в жизни взять в руки ствол и со второго выстрела попасть прямо в дергающуюся башку живому человеку, да еще и по пьяни. И это девочка семнадцати лет от роду? Ее чуть подучить, надежней стрелка в тылу не будет. Если еще основы маскировки дать, глядишь, снайпера выращу. Ой-е! И не рефлексует она, как таракана раздавила.

– Молодец, – говорю, – теперь разбирай и заряжай. – А сам внутри замер. Песец. Толстый полярный лис, в смысле. Она видела, как откидывается барабан один раз, и тут же сама. Сама! Откинула барабан, вытряхнула стреляные гильзы и подняла на меня бездонные озера глаз. Я застыл, пораженный четкими движениями этого ребенка, но тут же справился с собой. Закрепляй. Ой, какая девочка! Действительно самородок.

– Чего смотришь? Патроны у «Третьего». Бери и заряжай. «Третий»! Дай два патрона. – Виталик подошел и положил на ладошку девочки два патрона.

– Заряжай и стреляй. – Не скажу, что быстро, но зарядила и опять на меня смотрит.

– Стреляй, Вера, остальным в голову. Они не обидятся, а обидятся – нам плевать. – Щелчок, выстрел, щелчок, выстрел. Две дырки. Одна у «правильного». Вторая у «эмбриона». Обе в переносицу.

– Разряди, – говорю, – и тренируйся взводить и нажимать на курок каждой из рук. Теперь это твое тренировочное оружие. – Сам я в шоке. Много я в жизни видел, но такое в первый раз. Это я к чему? И «эмбрион», и «правильный» лежат в разных позах и на разных расстояниях. Ненамного, но тем не менее, а дырки у них почти одинаковые. Плюс дыра у «зафутболенного». Точно выше переносицы, разница максимум два миллиметра, специально подошел, посмотрел.

Сильна деваха! Ее бы моему тренеру показать. С таким глазомером чемпионами становятся, если в правильные руки попадают. Это она стрелять не умеет? Ее учить уже почти нечему, только уходу за оружием, определению расстояния до объекта и маскировке. «Наган» я ей тоже специально отдал, пусть руки тренирует. Курок у «Нагана» тяжеловат для девчонки, пока не взведет, не выстрелит. Вот и пусть тренируется, заодно лишние мысли в голову лезть не будут, а с оружием ей однозначно спокойнее. Вон как в «Наган» вцепилась.

Все же хомяческая привычка – штука незаменимая в жизни. Пока Виталик накрывал импровизированный стол, я забрал мешок из нашего мотоцикла и вытряхнул из него шубу. Шуба оказалась вполне приличным женским полушубком, даже с меховой оторочкой. Пока

девчонка переодевалась, а Виталик опять накрывал на стол, я сел изучать карту и почти сразу обнаружил несоответствие. Верхнедвинска не было, был город Дрисса. Вот бы я влетел, если бы стал искать Верхнедвинск.

Вот это след так след! Интересно, а куда Верхнедвинск подевался? Загадка природы. Да и ладно, для меня как-то разницы нет. Мест компактного проживания евреев здесь полно, и гетто где-нибудь обнаружим. Заодно и дорогу наметил. Ломиться через Себеж смысла не было, там на въездах наверняка стационарные посты стоят, а вот в объезд дорога есть, и очень неплохая дорога.

– Другое дело! – сказал я, когда Вера вышла из кустов, где переодевалась. Честно говоря, дубленка сидела на девчонке как на корове седло, но все лучше, чем китель пятьдесят шестого размера. Правда, в дубленке ей будет жарковато. А куда деваться? Знал бы, заказал фрицам пару платьев. Интересно! Она уже не выглядела испуганной. «Зафутболенного» завалила, не дрогнула, мимо голых трупов прошла, не поморщилась, а ведь часа не прошло, как орала как резаная, и Виталик уже вроде отошел. Посмотрю, конечно, как дальше будет, но с ним мне спокойней и надежней. Другое дело, куда мне девать девчонку? Не с собой же тащить. Надо с Виталиком посоветоваться, а то я сам голову сломаю. В принципе я собирался набрать и девчонок, но не с них же начинать. Хотя от этой девочки отказаться сложно, и красива, как модель, и стреляет правильно, и нервами не бренчит, а что она там у нас дальше будет делать, стрелять, раны перевязывать, готовить или на шухере стоять, я придумаю по ходу дела.

– Садись к столу.

Присели за импровизированный стол. Виталик так и молчит все это время. Ничего, пусть перегорит, не выворачивает его, и ладно. Коньяка он с девочкой накати, сейчас усвоится, в процессе еще грамм сто пятьдесят добавит, и баиньки.

– Давай думать, что с тобой делать. У тебя родственники или друзья есть? Те, у кого ты можешь жить?

Девочка молча и медленно, как будто заторможенно, отрицательно покачала головой. Похоже, адреналиновый отходняк начался или алкоголь дошел.

– Мы можем тебя взять с собой, либо в наш отряд, либо до того момента, пока не найдем тебе людей, которые тебя приютят. Но если ты у нас останешься, условия у тебя будут как у всех, а жить в лесу и постоянно на ногах очень тяжело. Подумай! Тебе все это надо? Война будет долгой и очень жестокой, если ты останешься, тебе надо будет очень многому научиться. Если ты слышала наши имена, забудь, если тебя кто-то о нас спросит, ты можешь сказать, что я капитан госбезопасности, а он старший лейтенант. Но вообще, я «Второй», а он «Третий», «Первого» ты никогда не увидишь, но знать о тебе он будет. Это основное правило. Пока твое имя «Седьмой».

– А почему «Седьмая»? – удивленно и так же заторможенно спросила Вера.

– Не «Седьмая», а «Седьмой». Потому что я тебе это сказал. Если я буду объяснять тебе все свои приказы, это будет не воинское подразделение, а собрание колхоза, но сейчас я тебе объясню. Во-первых, так короче, в боевой обстановке проще общаться короткими фразами, а если в отряде будет две Веры? Во-вторых, твое имя будут знать только «Первый», я и «Третий», и никто не сможет выдать имя бойца или его родственников. Во время привалов можешь задавать любые вопросы, мы ответим, но во все остальное время разговоры только по делу. – С коньяком для Веры я погорячился. Коньяк явно был лишним, на адреналине и вине она продержалась бы гораздо дольше, а так Веру срубило уже в середине ужина. Намаялась девчонка, не самый легкий у нее был сегодня день. Не рассчитал я немного, в следующий раз умнее буду. С другой стороны, неплохо, хоть поспит ребенок несколько часов.

Раздевали «правильного» мы с Виталиком. Здоровый он все же был, прямо огромный, не сильно высокий, но размера шестидесятого. Это он удачно ко мне спиной повернулся. Судя по его движениям, мужик был тренированный и резкий. Заодно и трупы подальше в перелесок

оттащили, не ночевать же рядом с ними. Третий комплект формы мне был не слишком нужен, тем более такого размера, но кулацкая привычка пересилила. Да и сапоги добротные, может, сменяем на что, и вообще фрицы были упакованные и продуктами, и пойлом, только французского коньяка было шесть бутылок, и оружием. Вот только лента к пулемету была одна, и патронов к унтеровским МП-40 только по тройке магазинов и по три пустых в подсумках. Были и мотоциклетные очки. Все же эти немцы не вояки, а оборзевшие гаишники, хотя, конечно, эти гаишники на войне, и лохов у них не держат. Хорошо еще, что патроны от «Маузера 98к», основной немецкой винтовки, которой вооружена вся пехота, к пулемету подходят, так что патронами разживусь, ну а патроны к автоматам были в багажнике мотоцикла, так что в четыре руки набили магазины.

Остаться здесь я решил до утра. Перетянуться вечером через деревню, забитую немцами, не слишком разумно, тем более что и ночевать в таком случае придется неизвестно где. Так что просто упаковали все в одну коляску, оставив себе по немецкому автомату и по пистолету. Долго думал, как приспособить на руль мотоцикла гранаты, руки-то заняты и, если что, тянуться до гранат далеко, а на Веру надежды нет. По-быстрому не сделаем, а на соплях – еще соскочит граната под колеса. Будем все иметь бледный вид. Пришлось распахать гранаты по нагрудным карманам кителя. Плюнул я на эти плащи, хотя штука очень удобная, от пыли точно защищает, но тогда до гранат не добраться. В нагрудные карманы запихали. Как раз вошли, по две штуки на лицо получилось. Деваться-то некуда, документы нам не предъявлять, а без гранат проще самим застрелиться. Единственное, что смог Виталик на руль приладить, – это кобуру с «Наганом». Там между вилкой руля и баком места много. Я рулем покрутил во все стороны, вроде нормально, нигде не цепляется. Пока светло, мы раскидали и почистили оба автомата и пистолеты, надо же понимать, что в руках держишь, а то я их в целом виде только в кино видел, а в нецелом – у знакомых черных копателей. Сам автомат оказался на удивление тяжелым, но легче, чем наш, и держать удобнее. Патронов, правда, в два раза меньше, и при стрельбе держать приходится только за цевье автомата, ну да ладно, нам в атаку не ходить. В нашем деле главное – смыться вовремя.

Вот сейчас меня гложет одна мысль: не хватятся ли наших покойничков к ночи? А если хватятся, где искать будут? Допросить, конечно, можно было бы, а заодно и спросить, где они сестренку Веры закопали, но я думаю, что нигде, просто на поле где-нибудь выкинули или в такой вот перелесок. Мало их сейчас по полям и перелесками валяется? Да немерено. Мы же для них не люди. Так. Трава и то ценнее. Вот и у меня к ним сейчас такое же трепетное отношение, если не хуже, а допрашивать эту падаль – это только Веру терзать. Сейчас пропала сестренка и пропала, девочка с этим уже смирилась.

В общем, срываться с места не стал, проблемы буду решать по мере возникновения. Со стороны поля ко мне не подойдут, а ночью немца в лес не загонишь. С этими мыслями и спать легли, вернее, Витальку уложил. Сам решил немного побдить, тем более что спать совсем не хотелось. Веру мы так и не будили, устроили только на коврик поудобнее да кителем ноги накрыли. Комары, мать их, так никуда и не делись, июль все-таки, но у меня с комарами все путем. Меня они почему-то совсем не жрут. Может, заразиться бояться? В полвторого меня сменил Виталик, и до четырех я нормально покемарил.

*Командиру роты
полевой жандармерии
284-й охранный дивизии.
обер-лейтенанту Эриху Пауку.
Репорт.*

Докладываю Вам, что вечером 24 июля 1941 года в районе деревни Александрово пропал мотоциклетный патруль в составе обер-фельд-фебеля Ганса Ханна, обер-ефрейтора Эриха

Шлоттера и рядового Пауля Дрешиера. Ввиду наступившей темноты поиски пропавших военнослужащих не производились. В 16.30 25 июля 1941 года в результате прочесывания лесного массива в районе села Александрово искомые были обнаружены убитыми. Униформа, оружие и мотоцикл военнослужащих похищены. Поиск неизвестных, уничтоживших мотоциклетный патруль, продолжается.

Командир первого взвода роты полевой жандармерии 284-й охранной дивизии лейтенант Вальтер Пантель.

25 июля 1941 года

В пять были уже на колесах и не торопясь, уступом, чтобы не засыпать пылью Виталика, катили по дороге. Веру я усадил с Виталиком, вооружив двумя «Наганами», одним заряженным и тем, что без патронов, чтобы набивала руку. Так и катились часа два. Прошли Верину деревню, потом лес и еще три деревни, забытые войсками по самое не могу. Хорошо, что я вчера на эмоциях к Верину знакомому крестьянину не заскочил, как планировал. Угробил бы и себя, и Виталика, и ребенка, ну и десяток фрицев, а это не равноценный размен.

В третьей деревне был нужный нам поворот налево, в который мы и свернули. Дальше проще, второстепенная дорога. Немцы уже проснулись, но цепляться к двум незнакомым фельдшармам не рвались. Дорога здорово раздолбана. Здесь и следы гусениц, и воронки от бомб и снарядов. А, вон оно что! В сторонке бункер УРа, прикрывающий развилку дорог, и дымится еще. Вернее, не дымится, а так, какой-то дымок, как марево, подрагивает. Видно, напоследок огнеметами прошлись. Впрочем, разглядывать возможности нет, здесь бы в воронку не свалиться. Этот бункер не любили все кому не лень, а самолеты, похоже, летали как на работу. Перекрестку тоже досталось по полной программе, но его уже слегка восстановили, засыпав наиболее крупные ямы.

Памятка по охране советских военнопленных.

Командам охраны даются следующие основные указания.

1) Беспощадная кара при малейших признаках протеста и неповиновения. Для подавления сопротивления беспощадно применять оружие. В военнопленных, совершивших побег, стрелять без предупреждения с твердым намерением попасть в цель.

2) Любое общение с военнопленными, равно как и во время марша на работу и с работы, кроме отдачи служебных команд, запрещено. Строго запрещается курить на марше на работу и с работы, а также во время работы. Предотвращать любое общение военнопленных с гражданскими лицами и в случае необходимости применять оружие, в том числе и против гражданских лиц.

3) На рабочем месте также требуется постоянный неусыпный надзор немецкой охраны. Каждый охранник должен держаться на такой дистанции от военнопленных, чтобы в любое время иметь возможность применить оружие. Никогда не поворачиваться спиной к военнопленному.

Вообще-то я знал, что я наглый сын самки собаки, но не до такой же степени. Но все по порядку. Нам уже было пора на дневку. Свою норму по расстоянию мы выполнили и даже перевыполнили. Надо уже отдыхать, и помыться бы не мешало. Я только в ките, а спарился уже и задолбался рулем крутить, особенно на разбитом участке дороги. А как там Вера? Она в дубленке и под брезентовым фартуком коляски. Голову мы ей, как и вчера Виталику, замотали бинтами, чтобы косы не торчали, и она как в парилке. Как только держится девчонка?

На удивление, этот участок дороги был пустынен. Изредка только проносились встречные машины, обдавая нас клубами пыли. Здесь дорога восстановлена, причем засыпали ямы недавно, но уйти с дороги было просто некуда, слева было поле, а справа приличных размеров озеро. Пленных я увидел не сразу, вернее, не сразу признал. Человек сорок работали на дороге, и охраняли их вшивые шесть фрицев. Мы сначала их проскочили. Каюсь, тормознул. Как-то дико было осознавать, что такую толпу охраняют только шестеро. Двое, правда, на мотоцикле

с коляской при пулемете. Причем все шестеро собрались у мотоцикла. Проехали мы метров сто пятьдесят, после чего я остановился. Разговаривать было не о чем. Если есть возможность убить шестерых немцев и освободить толпу пленных, то надо это делать, а не репу чесать. Мне пленные по большому счету на ухо не вперлись, но если они потом хотя бы десяток немцев грохнут, все польза.

– «Седьмой», стреляешь после нас. «Третий». Останавливаемся, глушим мотики, не торопясь слезаем. Помни, мы для них мелкое, но начальство. Они, нас увидев, прихорашиваться начнут. Я начинаю слева, ты справа, учти, автомат закидывает вверх. Так что лучше бей короткими очередями. Коротко, патрона три-четыре, ты умеешь. – Приготовив автоматы, развернулись и медленно покатали обратно.

Так и получилось. Я свалил четверых, с пулеметчиком во главе. Виталька двоих, они как раз от мотоцикла в сторону пленных направились, контролировать работу, типа. Неплохо я Витальку стрелять в свое время научил. Двоих завалил и не поморщился. Надо сказать, что пленные сообразили сразу, восемь человек с ходу рванули к нам. Сразу видно, инициативная группа. Среди них выделялся здоровенный, явно выше меня ростом, дядька. Мало того, что выше меня, так он в плечах раза в полтора больше. Меня он одним ударом завалит, если попадет, правда, это далеко не всем удастся, но это к делу не относится. Пришлось тихим незлобным матом направлять энергию в нужное русло.

– Командиры, сержанты и коммунисты, ко мне! Кто старший?

Вперед на полшага выступил невысокий коренастый парень в грязной нательной рубаше и с перебинтованной таким же грязным бинтом головой.

– Организовать продолжение работы, а то начнут разбегаться, всех запалят! Выделить мне пять бойцов. Остальные – быстро хватаете немцев и тащите на озеро. Там раздеваете и застирываете кровь на их форме, и сами искупаетесь.

«Третий»! Выдай китель, пусть тоже простирнут. Что стоим? Немцев ждем? Вашу мать!

Процесс пошел. «Коренастый» шустро убежал к остальным, и оттуда, так же бегом, прискакали пятеро. Четверых я тут же отправил на озеро отмываться, отстирываться и одеваться в немецкую форму. Добавил только, чтобы все, кроме сигарет, из карманов собрали и мне принесли. На пятого напялил каску, один из плащей и посадил в коляску за пулемет.

– «Третий»! Дойди до стройки, проясни обстановку. Пусть работу изображают. Потом со старшим ко мне.

– «Седьмой»! – Вот Вера у нас в прострации. Слишком быстро у нас все происходит, не успевает девчонка. – «Седьмой»! Душу твою невоспитанную! Сходи на озеро, скажи, чтобы те, кому подходит форма, побрились. Пусть надевают мокрую и вооружаются, и пришли ко мне самого здорового. Подожди, бритву возьми, и сама сполоснись и бинтними.

Бритвенные приборы я специально вчера отдельно отложил, вместе с мыльно-рыльными принадлежностями. Классные бритвы, мне одна такая от деда досталась, а он с той войны привез. По пути смел все в один вещмешок, кинув в него пять банок тушняка из наших запасов, круг колбасы и почти полный каравай домашнего хлеба. Охранники тоже себе в еду не отказывали – хлеб свежий. Вера своим несуразным видом напрочь сразила нашего псевдопулеметчика. Он чуть из коляски не выпал. Я бы тоже удивился, если бы впервые увидел Елену Прекрасную, одетую как огородное пугало, с чалмой на голове и с двумя «Наганами» в руках. Вера, если ее отмыть и переодеть, реально красивая девчонка.

– Стой. «Наганы» мне отдай. – Догнал немного отошедшую Веру. – Разговаривать будешь со здоровым дядькой. И громко, чтобы все слышали, скажешь: «Товарищ капитан госбезопасности приказал подойти, как помоешься и переоденешься». Поняла? Выполнять.

Вовремя мы. Как только все разбежались, прошла пара грузовиков. Первый притормозить вроде хотел, но, увидев фельджандармов, с хрустом переключил передачу и покатыл дальше.

– Фух! Думал, попали на ровном месте, – сказал я, обернувшись к побледневшему пулеметчику. – Руки прямо сами тянутся к гранатам, – добавил, дружелюбно улыбаясь.

Глаза бывшего пленного стали принимать осмысленное выражение, хотя сидел он так, как будто с низкого старта собрался рвануть куда глаза глядят.

– Чего ты напрягся-то? Немцев не видел? А какого мужского полового органа я тебя за пулемет посадил?

Вот засранцы! Это я уже про Виталика с «Коренастым». Идут чуть не под ручку, как пионеры на зорьке, шепчутся дружелюбно, улыбаются. Хорошо, на дороге никого нет. Понятно, что водила глаза вылупил – охранник с пленными разговаривает, а они его не убили еще. Сейчас получат свои заслуженные аплодисменты.

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности! Вы с головой совсем не дружите? У нас война или прогулка в парке Шевченко? Мать, мать, мать, мать! – И еще около минуты великого и могучего русского языка.

«Коренастый» впечатлился по самое не могу. Старлей госбезопасности по армейским меркам – майор, а его, как рядового, по маме, по папе и по остальным родственникам в придачу.

– «Третий»! Водила, глядя на вас, чуть из машины не выпал. А доложит сейчас? Делать что будем? По лесам ныкаться? – Виталик, умница, просек фишку сразу.

– Извините, товарищ капитан госбезопасности, – говорит, – не подумал.

– А сейчас, падшая женщина, подумал? – Продолжаю нагнетать обстановку. – Я – рядовой, ты – унтер, а передо мной навтыяжку стоишь! Разверни мотоцикл, чтобы дорогу в противоположную сторону держать. Представьтесь, – уже обращаясь к «Коренастому».

– Лейтенант Карпов! Командир минометного взвода пятого полка двадцать второй дивизии внутренних войск НКВД СССР.

– Капитан госбезопасности Новиков. Теперь быстро, лейтенант, давай на озеро и гони мне всех, на кого форма налезла, и сам побейся. Через десять минут минимум трое должны стоять здесь. Чистые, бритые, с оружием и желанием воевать. Еще я там девочку послал, чтобы помылась, проконтролируй, чтобы не пялились и не обидели. Бегом!

Через десяток минут трое в форме стояли передо мной.

– Бойцы! Кто из вас может снять часового ножом? – обратился к ним. Вызвался только один. – «Третий»! Остальных на пулеметы. Покажешь, как пользоваться.

Боец! – обратился я к своему псевдопулеметчику. – Возьми форму и попробуйте вон на того здорового надеть, скажешь, я передал, китель там. Куда поперся в каске и плаще? Бегом!

Вот так и построил всех. Специально, между прочим, если они сейчас думать начнут, много несоответствий могут выявить или документы у меня спросить. Мы же с Виталиком в немецкой форме.

– «Третий»! Кителя у всех расстегнуть на пуговицу или две, рукава закатать, а то они как на параде, и так, чтобы отметин пулевых спереди не видно было. Проконтролируй.

Каюсь, с дырками в груди – это двое моих крестников, больно далеко стояли и вразброс, и так исхитряться пришлось. Двоим-то в голову прилетело, а этих не доставал, как получилось, так получилось. Виталькины оба в спину, ему было проще. Пока прихорашивались, остальные четверо подошли. Во главе со здоровым, китель «правильного» ему подошел, но на горле все равно еле застегнулся, и рукава короткие. Смотреть на этого дылду с красным от натуги лицом было забавно.

– Как дети, блин, – обратился к нему и, подойдя, сам расстегнул на нем пару пуговиц. – Рукава закатайте, представьтесь.

Дядька солидным басом представился:

– Старшина Мамошин! Вторая резервная застава Таурагентского пограничного отряда. – Старшина, значит. Хорошо. Мне этот мужик нравился все больше и больше.

– Кто из вновь прибывших может ножом снять часового?

О как! Все четверо. Они из одного подразделения или мне так повезло?

– Ставлю задачу! Нам необходимы две машины, поэтому я торможу одиночные грузовики и режу водителей. Мне нужен боец, который с улыбкой зарежет пассажира или под предлогом «прикурить». Пулеметчики, если в кузове пехота, живым никто уйти не должен. Стрелять только по кузову, по колесам и мотору стрелять запрещаю. Старшина. Вы лучше знаете людей, нужны водители, чем больше, тем лучше. Направьте двух бойцов к работающим пленным. Задача: делать вид, что наблюдают за работой, не подходить, не давать закурить, не разговаривать. Можно вполголоса объяснить обстановку.

«Третий»! Ты и двое бойцов в резерве, старшине выдай ППД и пару гранат.

Пока старшина раздавал целеуказания, а Виталик показывал третьему бойцу, как пользоваться пулеметом, я развернул карту и глянул обстановку. Чуть дальше была развилка. Дорога прямо выходила на главное шоссе и дальше на Миоры и Дриссу. Направо, огибая озеро, через полтора десятка километров выходила к Себежу. Налево километров через пять упиралась в небольшую деревню и мизерное озерцо у самого леса. То, что надо. Виталик к тому времени вооружил старшину. Хорош! ППД на груди у него выглядел детской игрушкой. Этому дяде «Печенег» бы в руки, а не это убожество.

– Старшина, вас откуда привели? Где лагерь? Здесь, в этой деревне, были? В течение дня смена караульных приезжает? Обед им привозят? – Вопросы я задавал быстро, показывая старшине все по карте. Вовремя мне фельджандармы попались. Маленькое озерцо на краю леса с дороги не просматривалось, а деревня вообще была километрах в трех от него на берегу другого немаленького озера.

– Нет, товарищ капитан госбезопасности, не были. Нас возят на машине из Себежа. Смены караула нет, но в середине дня охранникам на мотоцикле обед привозят. Нас кормят только вечером в лагере. – Голос у старшины был почтительно-уважительным, видно, с Верой накоротке переговорил.

– По какой дороге охране обед привозят? – спросил я. Еще окажется, что из этой деревни.

– Вон оттуда, товарищ капитан, – показал старшина в том направлении, куда мы ехали.

– Там перекресток, дальше откуда? Вас возят по какой дороге? – Времени у меня не было. Половины еще не знаю.

– Отсюда на перекрестке направо, – ответил старшина. Ф-у-у. Уже лучше. От перекрестка направо до первой деревни километров двенадцать. В это время на дороге появилась машина, с той стороны, откуда мы приехали, и я тут же скомандовал:

– К бою. Старшина со мной. Заходим с двух сторон, автомат на плечо повесьте и за спину уберите. Руки должны быть свободными. Нож на поясе передвиньте на живот. – Сам палку гаишную поднял. Прикольная палка. Тоненькая ручка сантиметров сорок с красным кругом на конце. Я ее в багажнике мотоцикла нашел. Водитель меня издали заметил. Смотрю, машина пустая, рессоры не просевшие. Притормозил он, даже из машины выскочил, а зря. Я ему с ходу кулаком в солнышко, водила пополам сложился, потом по загривку, чтобы шкурку не портить, форму, в смысле. Один он, пассажира нет, очень кстати. – Старшина! Что стоим? Водитель где? Оружие из кабины приберите.

Старшина, похоже, не ожидал такой скорости исполнения. Я и сам не ожидал, если честно. В смысле, не ожидал, что водила выскочит, а так что один водила, что трое, откровенно все равно, нападения-то он не ждет.

– «Третий»! Документы заberi и в кабине глянь. У водилы наверняка продукты есть и ранец.

Бойцы, немца раздеть, потом зарезать, только не перепутайте, чтобы форму потом не стирать. Водителю – бриться и переодеваться. Бегом! Бегом!

Забегали, нашли, тоже мне, палочку-выручалочку. Пусть носятся. Разделение труда, тудить его в качель!

– «Третий»! Кузов проверь, может, есть что полезное. Горючее посмотри.

А вот и вторая машина с другой стороны, и, похоже, не пустая, но пришлось пропустить, хотя водила был один, но за ней еще одна нарисовалась, тоже груженная по самое не могу. Как бы они не в паре, еще окажутся с пехотой, будем все иметь бледный вид. Следующая машина, тоже с той стороны, одна и загружена не так, в кабине двое, не торопясь катят. Торможу, захожу со стороны водителя, встаю на подножку и молча сую водиле под нос ствол «Нагана». Немая сцена. Сам не ожидал, что так получится. Но старшина молодец! Сразу все понял, что я шуметь не хочу и в кабине офицер. Он этого офицера из кабины, как щенка, выдернул, тот пикнуть не успел, а водила больше и не успеет. Хорошая штука «Наган», крепкая, лучше кастета тем, что еще и стреляет. Командовать не пришлось. Я только с подножки спрыгнул, а водилу с офицером уже к озеру потащили. Сам к кузову направился. Глянуть, что там. А там! Ну Клондайк не Клондайк, но в нашем случае прямо сказочный подарок. Особенно когда у тебя столько голодных и обессиленных людей. Полмашины продуктов – это вам не цапки-пецки. Не совсем, конечно, полмашины, поменьше, но много, там еще что-то, не разберу от борта. Это, видимо, интендант местный, его до вечера точно не хватятся, а вот дальше могут быть проблемы.

– Старшина! Командуйте погрузку, шанцевый инструмент взять с собой, если есть где кровь, закопать и заровнять.

Загрузились быстро. Что значит правильная организация труда и личный авторитет. Старшина красавец, нашел-таки двух водителей и сам за руль мотоцикла сел.

– Лейтенант. Двигаемся вот сюда, вот к этому пруду. Все остальное там. Грузитесь.

Я убрал карту, по которой показывал лейтенанту маршрут нашего движения, и оседлал свой мотоцикл. Ну, вроде двинулись. Я первый, за мной Виталик с Верой, потом старшина с пулеметчиком, за ним два грузовика. На перекрестке, на мое удивление, никого не было, а я мысленно уже к бою готовился. Не основной перекресток, но все же. Совсем немцы мышей не ловят. Минут через пятнадцать были на месте, даже съезд в поле был к озерцу. До деревни по дороге километра четыре, судя по карте. Докатились до озерца и, развернув технику, остановились. Для лейтенанта у меня сюрприз, отдам я ему Виталькину форму, пусть порадуетса и человеком себя почувствует.

– Лейтенант, старшина, подойдите ко мне! Бойцы, всем мыться и приводить себя в порядок!

Лейтенант, выделите мне трех бойцов в немецкой форме, двое из них должны быть водители. Поедем обед ловить. – Вижу, лейтенант не врубается. – Обед немцам привезут? А вас нет, на трупы наткнутся, тревогу поднимут, облаву устроят и перебьют всех. А нам это надо? Вот то-то же, а так до вечера никто не всполошится. «Третий», выдай лейтенанту свою форму, ППД и все диски с патронами. Оружие мы себе еще добудем, немцы на дороге пока не перевелись. – Вижу, лейтенант, что-то сказать порывается. – Все потом, лейтенант, времени совсем нет. Мыться, бриться, стираться, переодеваться. Людей покормить. Еще. Девочку тебе пока оставляю, проследи, чтобы присмотрели, и вообще позаботься, покорми. День у нее вчера был очень хреновый. Старшина, поставь двоих в форме в боевое охранение у пулемета. Смотри только, чтобы нас на обратном пути не подстрелили. Отправь в деревню пяток надежных бойцов, а лучше сходи сам. Продукты, одежда, не дадут – купи. Деньги тебе «Третий» отдаст. У меня девочка не одета. Надо полный комплект мужской одежды на нее, никаких платьев и кофт, и обувь обязательно. Сам посмотри, что на нее найдешь. Не продадут, раздень любого пацана, а то она голая под шубой, хоть укради, хоть пугало ограбь, мне все равно, где ты возьмешь. Немцы все здоровые попадаютса, никак одеть ее не могу. Постарайся тихо, мне сейчас война не нужна, до вечера хотя бы. «Третий», отдай старшине все немецкие деньги, других все равно нет, там еще часы наручные и кольцо серебряное у офицера было, и бинокль пока отдай.

Пока я с лейтенантом и старшиной разговоры разговаривал, Вера у нас стала «Дочкой», так ее солдаты обозвали, а по мне, «Дочка» и «Дочка», лишь бы ее на воспоминания не наталкивало. Но нет, вроде все нормально. Вообще-то странно она себя ведет, заторможенно, как будто от вчерашнего шока еще не отошла. Надо будет чуть позже Виталика к ней приставить, пусть понянчится. И ему, и ей польза от личного общения, а мне не париться их из шока выводить.

– Старшина. Бинобль с возвратом, у меня один. В деревню возьми немецкие сапоги получше, может, сменяешь, сам разберешься на что, только ничего не отбирай, иначе местные нас сдадут и будут правы, – и, уже обращаясь к лейтенанту: – Где бойцы, что со мной едут? Эти? Так, бойцы, один со мной, двое к старшему лейтенанту, винтовки сменить на автоматы.

Ну вроде все, поехали. Мать вашу! Как же одному проще, проехали бы мимо, сейчас спали спокойно, а вместо этого ношусь, как бешеная белка. С другой стороны, девять фрицев в минус ушли, что само по себе очень неплохо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.